337
297

И 337/297

РОСТОВСКІЕ

ВЛАДѢТЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ.

А. В. Экземплярскаго.

Ярославль.
Типографія Губернскаго Правленія.
1888.

2007059298

И 337/297

Библиотека

39347-45

Ростовскіе владѣтельные князья.

(Изслѣдованіе Андрея Васильевича Экземплярскаго).

Ростовъ, въ лѣтописяхъ называемый Великимъ [1]), теперь уѣздный городъ Ярославской губерніи, расположенный на низменномъ, ровномъ берегу озера, по Нестору, *Ростовскаго* [2]), позднѣе называвшагося *Неро*, а у мордвы, въ старину, *Каово* [3]), принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ русскихъ городовъ. Съ нимъ мы встрѣчаемся на первыхъ же страницахъ начальной лѣтописи, гдѣ онъ упоминается на ряду съ другими древнѣйшими городами: Новгородомъ, Полотскомъ, Бѣлоозеромъ, Муромомъ, Черниговомъ и Любечемъ [4]).

Извѣстій, впрочемъ, о времени основанія Ростова не сохранилось; знаемъ только, что онъ существовалъ уже до призванія Рюрика, Послѣдній, по смерти братьевъ своихъ «прія власть» одинъ и «раздая мужемъ своимъ грады», одному изъ такихъ мужей Рюрикъ и далъ Ростовъ [5]). Отсюда же видно, что Ростовъ сдѣлался владѣніемъ первыхъ князей вскорѣ по ихъ прибытіи. Хотя изъ лѣтописи и не видно, чтобы меря, а слѣдовательно и Ростовъ, участвовали въ призваніи князей, тѣмъ не менѣе краткость времени и легкость (такъ нужно предполагать по лѣтописнымъ сказаніямъ), при которыхъ совершилось присоединеніе Ростовскаго края къ Новгороду, заставляютъ думать, что меряне не чужды были, говоря вообще, того движенія, которое произошло въ средѣ новгородскихъ славянъ, а также и родственныхъ мерянамъ племенъ финскихъ —веси и чуди, въ пользу призванія князей извнѣ. Это тѣмъ

---

1) Напр. П. С. Р. Л. II, 61.

2) Іь. I, 5. «На Бѣлоозерѣ сѣдятъ Весь, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ (Переяславскомъ) озерѣ Меря же». Щекатовъ (V, 395) ошибочно говоритъ, что Ростовское озеро Несторъ называетъ Клещинымъ.

3) Щекатовъ V, 394, 422.

4) П. С. Р. Л. I, 13.

5) П. С. Р. Л. I, 9.

болѣе правдоподобно, что варяги, еще до призванія князей, брали дань не только съ чуди и славянъ, но и съ мери, которая, слѣдовательно, давно уже была знакома съ варягами [6]).

Не осталось и преданій или сказаній о происхожденіи Ростова. По нашему мнѣнію, нѣкоторые, указывая на это обстоятельство, какъ на признакъ глубокой, сравнительно, древности [7]) этого города, поступаютъ нерезонно: древность Ростова засвидѣтельствована начальною лѣтописью. Только позднѣйшіе наши грамотеи, составители временниковъ и отдѣльныхъ сказаній XVII в., измыслили Росса—основателя Ростова [8]).

Что касается происхожденія самаго названія Ростова, то наши ученые, конечно, на основаніи аналогичныхъ примѣровъ, производятъ его отъ собственнаго личнаго имени Роста: Ростовъ—городъ Роста, какъ, по извѣстному сказанію, Кіевъ—городъ Кія [9]).

Такъ какъ Ростовъ при Рюрикѣ является уже съ своимъ славянскимъ именемъ, то, надобно полагать, что Ростовская область еще задолго до призванія Рюрика была колонизирована новгородскими славянами. Первоначальными же насельниками этого края, какъ и сосѣдняго съ нимъ, теперешней сѣвѣро-западной части Владимірской губерніи, были меряне—племя финское: «перьвіи насельници.....въ Ростовѣ—меря» [10]).

При Рюрикѣ, по смерти братьевъ его и при первыхъ его преемникахъ, Ростовъ управлялся княжими мужами или намѣстниками и, по важности своей, стоялъ на одной линіи съ другими древнѣйшими городами, о которыхъ мы упоминали выше. Такъ, Олегъ, по мирному договору 907 года, требовалъ

---

6) Ibid.

7) *Корсакова:* «Меря и Ростовское княжество», стр. 61. Странный аргументъ въ пользу древности Ростова-отсутствіе преданій или сказаній о происхожденіи этого города. Причемъ же останутся, напримѣръ, Кіевъ съ сказаніемъ о Кіи, Щекѣ и Хоривѣ, или Византія съ сказаніемъ о Визасѣ, сынѣ Нептуна (не говоримъ о Визѣ и Антеѣ, какъ баснях позднѣйшаго происхожденія)?

8) См. «Памятн. древн. обитат. Яросл. губ.» въ Яросл. Губ. Вѣд. 1859 г.

9) *И. И. Срезневскій.* «Чтенія о древн. русск. лѣт.», 33.

10) П. С. Р. Л. I, 9.

съ грековъ «укладозъ» и для Ростова на ряду съ упомянутыми выше городами [11].

Управленіе Ростовомъ великокняжескими мужами продолжалось до конца X вѣка. Владиміръ Святой, въ 988 г., раздавая города въ удѣлы сыновьямъ своимъ, Ростовъ далъ Ярославу. Когда же, въ 1010 г. [12]), Ярославъ перешелъ въ Новгородъ на мѣсто сидѣвшаго тамъ до того времени старшаго брата его, Вышеслава, Владиміръ посадилъ въ Ростовѣ Бориса [13]). Въ 1015 г. Борисъ убитъ былъ (своднымъ) братомъ своимъ Святополкомъ [14]). По изгнаніи Святополка, въ 1019 г., Ростовъ оставался за в. кн. Ярославомъ Владиміровичемъ, по смерти котораго, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Ростовъ вмѣстѣ съ Суздалемъ и Бѣлозеромъ достался Переяславскому князю (Переяславля Кіевскаго, иначе русскаго) Всеволоду Ярославичу [15]). Затѣмъ есть указанія на то, что Ростовская земля переходила къ брату Всеволода, Святославу Черниговскому; такъ подъ 1071 г. въ лѣтописи есть извѣстіе о голодѣ въ Ростовской землѣ, гдѣ въ то время Янъ, сынъ Вышаты, *собиралъ дань для кн. Святослава* [16]). Далѣе, Ростовская область переходила къ Владиміру Мономаху, который посадилъ тамъ сыновей своихъ. Въ 1095 г., когда Новгородъ, гдѣ сидѣлъ сынъ Владиміра, Мстиславъ, нужно было отдать изгнанному изъ Смоленска Давиду Святославичу, Владиміръ Мономахъ послалъ Мстислава въ Ростовъ, откуда послѣдній, въ томъ же году, опять ушелъ въ Новгородъ, гдѣ Давида не взлюбили и показали ему путь [17]). Въ слѣдующемъ, 1096 г., когда Олегъ Святославичъ подступалъ къ Мурому, сидѣвшій тамъ сынъ Владиміра Мономаха, Изяславъ, готовясь къ оборонѣ, послалъ «по воѣ Суздалю и Ростову, и по Бѣлозерцы», а Олегъ, съ своей стороны, послалъ сказать Изяславу: «иди въ *волость отца своего*,

---

11) Ibid. 13.

12) См. № 5 Яросл. Губ Вѣд. 1887 г., стр 1. Въ Яросл. Губ. Вѣд. 1842 г. №№ 6—7 есть довольно полный «Очеркъ древней исторіи города Ростова и политической системы Ростовс ихъ владѣтельныхъ князей» *С. С.*; очеркъ этотъ, впрочемъ, научнаго значенія не имѣетъ.

13) П. С. Р. Л. I, 52.

14) Ibid. I, 58; II, 262; III, 208—9 и пр.

15) Карамзинъ II, 40, прим. 50.

16) П. С. Р. Л I, 75 и сл.

17) Ibid. I, 97—98; II, 250; III, 3; V, 150; Кар. II, пр. 172.

Ростову, а то (т. е. Муромъ) есть волость отца моего». Въ происшедшей затѣмъ у города битвѣ Изяславъ былъ убитъ, а Олегъ, принятый муромцами, пошелъ на Суздаль и Ростовъ: и ростовцы и суздальцы «вдашася ему». Вскорѣ изъ Новгорода прибылъ въ Ростовскую землю Мстиславъ Владиміровичъ и выгналъ Олега не только изъ Ростова и Суздаля, но и изъ Мурома, при помощи подошедшаго съ юга младшаго брата, Вячеслава, съ которымъ были половцы [18].

Ростовская область, какъ наслѣдственная въ родѣ Всеволода, досталась потомъ внуку послѣдняго, Юрію Владиміровичу Долгорукому. Хотя этотъ князь много положилъ труда для гражданскаго устройства Ростовской области—ставилъ новые города и селенія, строилъ въ нихъ церкви, монастыри и пр., тѣмъ не менѣе онъ постоянно устремлялъ взоръ свой на любимый имъ югъ, на Кіевскую Русь, на Кіевъ. Попытка его удержать за собой южный Переяславль, въ 1132 г., чтобы занять потомъ Кіевъ, не удалась: его выгналъ оттуда братъ его, в. кн. Ярополкъ [19]). Въ 1135 г. Юрій выпрашиваетъ Переяславль у того же Ярополка, которому въ замѣнъ отдаетъ Суздаль и Ростовъ и «прочую волость свою, но не всю» [20]). Впрочемъ, черезъ годъ Юрій опять возвращается въ Суздальскую отчину, такъ какъ въ Переяславлѣ Ярополкъ посадилъ другаго брата Андрея [21]).

Въ 1149 г. Юрію удалось наконецъ занять Кіевъ, гдѣ, однако, онъ не могъ долго держаться безъ сильной рати, и въ 1151 г. долженъ былъ цѣловать крестъ Изяславу Мстиславовичу и Вячеславу Владиміровичу на томъ, чтобы ему оставить въ Переяславлѣ сына Андрея, а самому удалиться въ Суздаль, который, по занятіи Кіева въ 1149 г., онъ отдалъ сыну Василько. Юрій ушелъ на Альту, откуда сынъ его, Андрей, отравился въ Суздаль; самъ же Юрій, вопреки условію, вскорѣ занялъ Переяславль, но очень скоро принужденъ былъ снова оставить его и удалиться въ Суздаль, посадивъ въ своемъ городцѣ (недалеко отъ Вышгорода) сына Глѣба. Въ слѣдущемъ 1152 г.

---

18) Ibid. I, 107—109; II, 282 и сл.; VII, 12.

19) Ibid. I, 132; II, 6; въ VII, 29, подъ 6639 годомъ, а въ II, 12, 294 подъ 6641.

20) Ibid. I, 132; II, 12, 294; IV, 4; V, 157; VII. 29.

21) Ibid. II, 14 (въ Ростовъ—подъ 6645 годомъ), 294 (въ Суздальскую вотчину—подъ 6644 г.).

Юрій, будучи въ Ростовѣ и узнавъ, что Изяславъ Мстиславичъ, Изяславъ Давидовичъ и Святославъ Всеволодовичъ сожгли его городецъ, началъ готовиться къ походу на югъ [22]). Походъ этотъ былъ, однако, неудаченъ: Юрій возратился изъ земли вятичей въ Суздаль. Въ 1154 г. повторилось тоже самое. Наконецъ, по смерти Изяслава Мстиславича, и по удаленіи изъ Кіева Ростислава брата его, въ 1155 году, Юрій занялъ Кіевъ и роздалъ удѣлы своимъ сыновьямъ [23]).

Сынъ Юрія Андрей, получившій въ удѣлъ Вышгородъ, въ томъ же 1155 году тайно отъ отца уѣхалъ въ Суздаль. По смерти Юрія, ростовцы и суздальцы выбрали Андрея въ князья «и посадиша и въ Ростовѣ на отни столѣ и Суждали» [24]).

Въ первые годы, по объявленіи его княземъ Ростовско-Суздальской области, Андрей жилъ въ Ростовѣ. Такъ, въ 1159 г., къ нему въ Ростовъ присылалъ Изяславъ Давидовичъ просить помощи противъ враговъ своихъ и руки дочери его для своего племянника, Святослава Владиміровича князя Вщижскаго; въ Ростовъ же возратился въ томъ же году изъ Вщижа Изяславъ, сынъ Андрея [25]).

Выше упомянуто было, что въ 1149 г. Юрій Владиміровичъ, занявъ Кіевъ, отдалъ Суздаль сыну своему Василько. Затѣмъ въ Суздалѣ же видимъ и другихъ, младшихъ братьевъ Андрея, для которыхъ Юріемъ собственно и предназначалась Ростовско-Суздальская земля: Мстислава, Михаила и знаменитаго впослѣствіи Всеволода. Андрей на примѣрѣ южной Руси видѣлъ всѣ пагубныя послѣдствія раздѣленія власти между родичами и, конечно, по тому стремился къ единовластію. Въ 1162 году онъ выгналъ изъ Ростовско-Суздальской земли братьевъ своихъ, которые удалились въ Царьградъ къ императору Мануилу (мать ихъ, ушедшая съ ними, была гречанка); вмѣстѣ съ ними выгналъ онъ и двухъ племянниковъ, дѣтей умершаго Ростислава Юрьевича, и нѣкоторыхъ приближенныхъ отца своего, которыхъ считалъ своими тайными врагами. «Се

См. № 84 Яросл. Губ. Вѣдом.

22) П. С. Р. Л. I, 144, 145; II, 45, 65—66, 69—70, 299; III, 11; V, 160; VII, 55—56, 58.

23) Ibid. I, 146—148; II, 74, 77; III, 11; IV, 8—9; V, 160; VII, 60, 62—63.

24) Ibid. I, 148—149; II, 78, 81; VII, 64, 66.

25) Ibid. I, 150; II, 87; VII, 72.

же створи, замѣчаетъ лѣтописецъ, хотя самовластецъ быти всей Суждальской земли» [26]).

По убіеніи Андрея (†1174), во Владимірѣ состоялся съѣздъ, на которомъ ростовцы, суздальцы и переяславцы, по проискамъ рязанскихъ пословъ, избрали въ князья племянниковъ убитаго князя, дѣтей Ростислава Юрьевича, Ярополка и Мстислава, шурьевъ Глѣба Ростиславича князя Рязанскаго, и послали за ними въ Черниговъ. Ростиславичи, изъ уваженія къ старѣйшинству, предложили дядьямъ своимъ, Михалкѣ и Всеволоду Юрьевичамъ, княжить вмѣстѣ съ ними. Но тутъ произошло несогласіе между ростовцами, не желавшими Михалка, и владимірцами, изъ которыхъ одни присоединились къ ростовцамъ, а другіе стояли за Михалка и Всеволода. Начались междоусобія. Михалко выѣхалъ изъ Владиміра, и Ярополкъ объявленъ былъ Владимірскимъ княземъ, а Мстиславъ Ростиславичъ Ростовскимъ и Суздальскимъ. Вскорѣ легкомысленный Ярополкъ, руководимый приближенными, возбудилъ къ себѣ ненависть владимірцевъ, которые утѣсняемы были безмѣрными продажами и вирами и, вообще, лихоимствомъ. Владимірцы стали звать къ себѣ изъ Чернигова Михалка, который, вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ, и явился къ нимъ на зовъ. Братья—Ростиславичи, выступившіе противъ дядей, проиграли битву, и Михалко вступилъ во Владиміръ: Ярополкъ бѣжалъ въ Рязань, а Мстиславъ—въ Новгородъ. Вскорѣ Михалкѣ покорились и ростовцы съ суздальцами. Всеволоду Михалко далъ Переяславль, неизвѣстно—на правахъ ли самостоятельнаго князя, или только намѣстника. Но Михалко, любимый и уважаемый владимірцами, княжилъ недолго: въ 1176 г. онъ скончался [27]).

По смерти Михалка владимірцы вызвали къ себѣ изъ Переяславля брата его, Всеволода, и, объявивъ его княземъ, цѣловали крестъ какъ ему, такъ и дѣтямъ его. Ростовцы воспользовались этимъ моментомъ, чтобы возвратить себѣ прежнюю самостоятельность, а городу прежнее значеніе древняго города. Они, въ 1177 году, вызвали къ себѣ прежняго князя, Мстислава Ростиславича, и началась борьба между древнимъ

---

26) П. С. Р. Л. II, 91, 307; VII, 76—77.

27) Ibid. I, 158—161; II, 116—118; IV, 13; VII, 90—91.

Ростовомъ и новымъ Владиміромъ, окончившаяся въ пользу послѣдняго [28]).

Въ 1207 г. Всеволодъ Юрьевичъ послалъ въ Новгородъ, гдѣ до того времени сидѣлъ Константинъ, другаго своего сына, Святослава, а Константину далъ Ростовъ съ другими пятью городами [29]).

Послѣ того, какъ Константинъ Всеволодовичъ, будучи великимъ княземъ Владимірскимъ, раздѣлилъ свой прежній Ростовскій удѣлъ между своими сыновьями, изъ послѣдняго образовалась совершенно отдѣльная Ростовская волость, земля или область, обособившаяся отъ Суздальской земли, составлявшей прежде часть Ростовской области.

У Константина Всеволодовича было три сына: Василько, Всеволодъ и Владиміръ. Не задолго до своей смерти Констан-

---

28) Ibid. I, 161—162; III, 16; IV, 14; V, 166; VII, 92—93. Наши историки до сихъ поръ объясняли борьбу городовъ, такъ сказать, личнымъ честолюбіемъ старшихъ изъ нихъ, которые хотѣли господствовать надъ младшими, а стремленіе нѣкоторыхъ князей къ единодержавію—или ихъ личнымъ властолюбіемъ, или же сознаніемъ пагубныхъ послѣдствій дробленія власти. Нѣсколько иначе посмотрѣлъ на дѣло профессоръ Сергѣевичъ. Стремленіе къ единовластію, по крайней мѣрѣ, въ разсматриваемое нами время, онъ видитъ не столько въ самихъ князьяхъ, сколько въ самихъ городахъ или—лучше—въ боярахъ: единовластіе было въ ихъ личныхъ интересахъ, такъ какъ съ дробленіемъ власти дробились и доходныя статьи. Вематриваясь въ отношенія городовъ за это время между собою и взаимныя отношенія ихъ и князей, нельзя не признать, что въ объясненіяхъ почтеннаго профессора, касающихся этихъ отношеній, есть весьма большая доля правды. См. «Лекціи по исторіи русск. права» проф. *Сергѣевича*, стр. 9 и сл. Эти лекціи выходятъ пока отдѣльными листами.

29) П. С. Р. Л. I, 183; VII, 115. Какіе были тѣ 5 городовъ, которые даны Константину въ придачу къ Ростову—объ этомъ см. Яр. Губ. Вѣд. 1887 года № 5, стр. 2, пр. 5. Проф. Сергѣевичъ, въ своихъ «Лекціяхъ» (стр. 18), насчитываетъ даже и съ Ростовомъ только 5 городовъ, и въ числѣ ихъ—Устюгъ. Но опредѣлять составъ Ростовскаго княжества по тѣмъ городамъ, въ которыхъ сидѣли сыновья и внуки Константина, какъ это дѣлаетъ проф. Сергѣевичъ, по нашему мнѣнію, нельзя: съ теченіемъ времени послѣ Константина могли войти въ составъ княжества такіе города, какихъ небыло при Константинѣ. Такъ было и съ Устюгомъ. См. Карамз. III, прим. 186.

тинъ такъ раздѣлилъ между ними Ростовскую область: старшему сыну Василько онъ далъ Ростовъ, среднему—Ярославль, а младшему предназначилъ Угличъ. Отъ Ростова, по смерти Василька, отдѣлилось Бѣло-озеро, составившее впослѣдствіи отдѣльное княжество.

Такимъ образомъ, рядъ Ростовскихъ самостоятельныхъ князей начинается старшимъ сыномъ Константина Всеволодовича, Васильком. Самого Константина, когда онъ сидѣлъ въ Ростовѣ при жизни отца, а также и его предшественниковъ нельзя считать самостоятельными князьями, а скорѣе великокняжескими намѣстниками.

Василько Константиновичъ.

р. 1209†1238 г.

Первый самостоятельный Ростовскій князь Василько Константиновичъ родился 7 декабря 1209 года въ Ростовѣ. Тамъ же, въ 1212 г. мая 23, совершены были надъ нимъ и братомъ его Всеволодомъ постриги [30]).

До девятилѣтняго возраста, т. е. до 1218 года, Василько жилъ въ Ростовѣ при отцѣ. Въ началѣ же зимы этого года, не задолго до своей кончины (†2февраля 1218 г.), Константинъ Всеволодовичъ, призвавъ двухъ старшихъ сыновей своихъ, назначилъ ихъ на удѣлы, давъ имъ при этомъ соотвѣтствующее случаю наставленіе [31]).

Въ своемъ колонизаціонно-стратегическомъ движеніи на востокъ великіе князья Владимірскіе неминуемо приходили во враждебныя столкновенія съ финскими племенами и болгарами. Послѣдніе, въ свою очередь, нападали на земли, прилегавшія и даже принадлежавшія и Великому и Ростовскому княжествамъ. Такъ, въ 1219 г., болгаре напали на Устюгъ и взяли его. Въ слѣдующемъ 1220 г. великій князь Юрій Всеволодо-

---

30) П. С. Р. Л. I, 183—185; VII, 116. О лѣтахъ княжичей см. Яр. Г. В. 1887 года № 5 стр. 2, пр. 1.

31) Ibid. I, 187; VII, 125; XV, 327; Ник. II. 338. Въ томъ же году, вмѣстѣ съ другими родными, онъ присутствовалъ при освященіи церкви Бориса и Глѣба въ Ростовѣ. Ib. I, 187. См. Яр. Губ. Вѣд. 1887 года № 5, стр. 2.

вичъ послалъ брата своего Святослава кн. Юрьевскаго, съ воеводой Еремѣемъ Глѣбовичемъ, на болгаръ; къ нимъ присоединилъ свои полки изъ Переяславля и третій братъ Ярославъ. Ростовскому князю также приказано было послать полки, и Василько Константиновичъ послалъ въ верховья Камы одинъ полкъ изъ Ростова, а другой—изъ Устюга. Святославъ весьма успѣшно выполнилъ возложенное на него братомъ порученіе: болгаре такъ были устрашены Владимірскими полками, что зимой прислали пословъ къ великому князю для заключенія мира. Но Юрій мира не принялъ и не далъ, а началъ опять готовиться къ походу. Онъ приказалъ Василько Константиновичу идти съ полками своими въ Городецъ, куда и самъ пошелъ. На пути его встрѣтило вновь отправленное къ нему болгарское посольство, которое, однако, должно было вернуться домой съ тѣмъ же, съ чѣмъ и первое. Наконецъ, уже третье посольство отъ болгаръ явилось въ Городецъ; посольство преподнесло Юрію дары и усиленно просило о мирѣ. На этотъ разъ великій князь принялъ дары «и управишася по прежнему миру», какъ было при его отцѣ и дѣдѣ [32].

Въ 1223 году по Руси впервые пронеслась вѣсть о какомъ-то новомъ воинственномъ народѣ—татарахъ, которые подступали къ предѣламъ Руси. Южные князья на совѣтѣ положили идти на встрѣчу этому до тѣхъ поръ невѣдомому народу, чтобы отразить его и не пустить въ Русскую землю. Они просили помощи и у великаго князя Владимірскаго. Юрій Всеволодовичъ отправилъ къ нимъ на помощь племянника своего Василька Константиновича Ростовскаго. Послѣдній дошелъ только до Чернигова, откуда, узнавъ о постигшемъ южныхъ русскихъ князей несчастіи на берегахъ р. Калки, возвратился, уже въ 1224 году, обратно въ Ростовъ [33]).

Въ томъ же 1224 г. Василько Константиновичъ принималъ участіе въ походѣ великаго князя на землю Новгородскую. Отношенія новгородцевъ къ великому князю и юному сыну его Всеволоду, сидѣвшему тогда въ Новгородѣ, были не совсѣмъ пріязненными. Въ указанномъ году Всеволодъ, по тайному повелѣнію отца, со всѣмъ дворомъ своимъ незамѣтно выѣхалъ изъ Новгорода ночью и засѣлъ въ Торжкѣ, куда прибылъ и отецъ его, а также и Василько Константиновичъ съ

---

32) П. С. Р. Л. VII, 126—128.
33) Ibid. I, 189; VII, 132; XV, 365.

своею ратью. Великій князь, недовольный нѣкоторыми новгородскими боярами, требовалъ отъ новгородцевъ выдачи послѣднихъ, но новгородцы категорически заявили ему, что не поднимутъ рукъ на своихъ братьевъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, новгородцы наконецъ, по предложенію великаго князя, приняли къ себѣ княземъ шурина великокняжескаго Михаила князя Черниговскаго [34]). Но Михаилъ недолго пробылъ въ Новгородѣ: онъ стремился къ родному Чернигову, и въ 1225 году уѣхалъ туда. Встрѣтивъ по возвращеніи въ Черниговъ, врага въ Олегѣ князѣ Курскомъ, Михаилъ обратился къ зятю своему, великому князю Владимірскому, за помощью. Юрій въ 1226 году, отправился въ Черниговъ вмѣстѣ съ племянниками своими Василькомъ Ростовскимъ и Всеволодомъ Ярославскимъ. Впрочемъ, благодаря посредничеству кн. Кіевскаго Владиміра Рюриковича, дѣло до кровопролитія не дошло. Зимой же слѣдующаго 1227 г. Василько Ростовскій, по совѣту и желанію великаго князя, женился на дочери князя Михаила Черниговскаго княжнѣ Маріи. Свадьба ихъ состоялась въ Москвѣ, 10 февраля, откуда съ молодой супругой Василько прибылъ въ Ростовъ 12 февраля 1227 года [35]).

Въ 1228 году Юрій Всеволодовичъ сталъ собираться воевать съ мордвой, къ чему побудили его, вѣроятно, набѣги послѣдней на Суздальскую землю. Въ сентябрѣ великій князь послалъ въ мордовскую землю Василька Константиновича съ воеводой своимъ, Еремѣемъ Глѣбовичемъ. Полки владиміро-ростовскіе зашли уже за Нижній-Новгородъ и вступали въ землю мордовскую, когда великій князь, въ виду шедшихъ все время проливныхъ дождей, приказалъ имъ ворототиться обратно [36]). Впрочемъ, намѣренія своего обуздать нѣсколько мордву великій князь все-таки не оставлялъ. Въ половинѣ января того же

---

34) Ibid. III, 41; IV, 27. Не знаемъ почему этотъ фактъ изъ жизни Василька Константиновича опущенъ у М. П. Погодина въ его «Біографическомъ словарѣ русскихъ князей до покоренія Россіи монголами». См. также его «Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи», т. VI, стр. 326.

35) Ibid. I, 190—191; VII, 133;—134... Мы слѣдуемъ въ этомъ показаніи «Указателю къ 8 томамъ П. С. Р. Л.», составитель котораго заключилъ о томъ, что свадьба князя Василька Ростовскаго состоялась *въ Москвѣ*, изъ упоминанія лѣтописей, что молодая чета вѣнчалась въ *церкви Благовѣщанія*.

36) П. С. Р. Л. I, 191.

года [37]) онъ выступилъ въ походъ въ мордовскую землю вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ярославомъ и племянниками Васильком и Всеволодомъ Константиновичами: много побито было мордвы въ этомъ походѣ, край опустошенъ огнемъ и мечемъ, и князья возвратились домой съ многочисленнымъ полономъ [38]).

До сихъ поръ, какъ мы видѣли, Юрій и Василько жили дружелюбно. Но вскорѣ, послѣ мордовскаго похода, согласіе между ними, хотя и на короткое время, рушилось. Ярославъ Всеволодовичъ, разсорившись съ старшимъ братомъ, привлекъ на свою сторону Константиновичей. Впрочемъ, на Суздальскомъ съѣздѣ 1229 года князья примирились: 7 сентября они цѣловали крестъ Юрію, а на слѣдующій день праздновали и веселились у епископа Митрофана [39]).

Въ это время Ярославъ Всеволодовичъ, по своимъ отношеніямъ къ Новгороду, находился во враждѣ съ Михаиломъ Всеволодовичъ Черниговскимъ. Одно время, однако, отношенія ихъ нѣсколько улучшились, благодаря посольству отъ послѣдняго и отъ Кіевскаго князя Владиміра Рюриковича, прибывшему во Владиміръ въ 1230 году, для примиренія враждовавшихъ князей, и имѣвшему въ этомъ дѣлѣ полный успѣхъ. Но послѣдующее поведеніе Михаила, который явно нарушалъ міръ, принимая къ себѣ новгородскихъ бѣглецовъ, враговъ Ярослава, возбудило гнѣвъ на него не только въ послѣднемъ, но и въ братѣ Ярослава великомъ князѣ Юріи. Оба брата выступили въ походъ противъ Михаила, съ ними были и Константиновичи. Юрій, однако, возвратился съ пути къ Чернигову, а Ярославъ и Константиновичи пошли далѣе; они выжгли Серенскъ, осаж-

---

37) М. П. Погодинъ (см. «Изсл., замѣч. и лекціи о русской исторіи» VI, 327), относитъ этотъ походъ къ 1229 году.

38) П. С. Р. Л. I, 191; VII, 134. Подробности какъ этого, такъ и послѣдующаго эпизода, см. въ біографіи князя Всеволода Ярославскаго—Яр. Г. В. 1887 года № 5.

39) Ibid. I, 192—193; VII, 135—136. Въ слѣдующемъ 1230 г. епископъ и великій князь удовлетворили просьбу Константиновичей относительно поставленія въ Ростовскіе епископы Кирилла, игумена Рождества Богородицаго Владимірскаго монастыря (нынѣ архіерейскій домъ). Въ 1231 г. князья посылали этого Кирилла въ Кіевъ ставиться на Ростовскую епископію. Онъ поставленъ былъ 6 апрѣля, а въ Ростовъ возвратился въ половинѣ мая. Ibid. I, 194.

дали Мосальскъ и, вообще, сдѣлали много зла жителямъ того края [40]). Это было уже въ 1232 году.

Затѣмъ до появленія на Русь татаръ, лѣтописи умалчиваютъ о Василькѣ Константиновичѣ.

Въ 1237 году въ предѣлахъ Рязанской земли, какъ извѣстно, явились тѣ невѣдомые люди, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ жестоко побили южныхъ русскихъ князей на берегахъ рѣки Калки. Рязанскіе князья просили, но не получили, помощи отъ великаго князя, и въ битвѣ съ татарами многіе изъ Рязанскихъ князей пали отъ меча послѣднихъ. При дальнѣйшемъ движеніи татаръ на Владиміръ, Юрій ушелъ за Волгу и остановился на берегу рѣки Сити; съ нимъ были и братья—Константиновичи. Въ происшедшей, 4 марта 1238 года, битвѣ палъ великій князь, а Василька Ростовскаго татары взяли въ плѣнъ и увели съ собой. Сдавъ станомъ въ Шеринскомъ лѣсу [41]), татары начали принуждать Василька при-

---

40) Ibid. I, 194—196; VII, 137—138; Карамзинъ III, 158. Въ 1231 г. августа 14, Василько, съ женою и сыномъ, присутствовалъ при освященіи церкви св. Богородицы въ Ростовѣ. Подробности см. въ біографіи Всеволода Константиновича—Яросл. Губ. Вѣд. 1887 года № 6.

41) Шеринскій лѣсъ извѣстенъ и теперь, онъ находится въ 25 верстахъ отъ Кашина и 38—40 в.—отъ Калязина. Впослѣдствіи здѣсь былъ Шеринскій монастырь, а нынѣ село Шеринское, при р. Шеринкѣ, въ лѣсной сторонѣ. См. гр. *М. Толстаго*: «Святыни и древности Ростова Великаго» изд. 3, М. 1866, прим. 28. *С. М. Соловьевъ* (Ист. Росс. III, пр. 275) точно такъ же опредѣляетъ топографію этого лѣса. Рѣчка Шеринка впадаетъ въ Медвѣдицу. Карамзинъ же (т. III, пр. 366), напротивъ, указываетъ на р. Шерну, впадающую въ р. Клязьму, Московской губ., Богородскаго уѣзда. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что татары, послѣ битвы на р. Сити, направлялись на Новгородскую землю, то указаніе на Ширенскій лѣсъ на р. Шеринкѣ, впадающей въ Медвѣдицу, будетъ вѣрнѣе. Вѣроятно, былъ не одинъ Шеринскій лѣсъ; Шеринскій лѣсъ былъ также и во Владимірской губерніи, послѣдній могъ получить названіе отъ р. Шеринки, впадающей въ Клязьму, и въ такомъ случаѣ этотъ лѣсъ тянулся отъ истоковъ р. Шеринки (въ сѣверо-вост. части Московской губ., далеко за Владимірскій-Переяславль. Вѣроятно, объ этомъ послѣднемъ Шеринскомъ лѣсѣ упоминаетъ лѣтопись подъ 1177 г., говоря о борьбѣ Всеволода Юрьевича съ Глѣбомъ Ростиславичемъ Рязанскимъ: «Князь же Всеволодъ поѣха къ нему (Глѣбу), и бывшю ему за Переяславлемъ подъ Шеринскимъ лѣсомъ» и пр. (П.

стать къ нимъ, т. е. принять ихъ обычаи и вѣру и воевать вмѣстѣ съ ними противъ русскихъ. Съ презрѣніемъ отвергъ Ростовскій князь предложеніе татаръ, хуля скверные обычаи своихъ враговъ, отъ которыхъ, какъ отъ нечистыхъ, онъ не хотѣлъ даже принимать ни пищи, ни питья. Возпося молитвы къ Господу о томъ, чтобы Вседержитель избавилъ его отъ этихъ плотоядцевъ, Василько молился за дѣтей своихъ и за отца своего духовнаго епископа Кирилла. Татары, въ виду отказа Ростовскаго князя принять ихъ предложеніе, разсвирѣпѣли, убили Василька тутъ же въ лѣсу и бросили тамъ трупъ его. Спустя нѣсколько дней какая то женщина, какъ передаетъ преданіе, увидѣла трупъ князя и разсказала объ этомъ нѣкоему благочестивому поповичу Адріану, который, взявъ тѣло Василька, скрылъ его въ укромномъ мѣстѣ. Вскорѣ, по распоряженію епископа Кирилла и княгини Маріи Михаиловны, тѣло князя Ростовскаго привезено было въ Ростовъ и погребено въ соборной Успенской церкви. Василько Константиновичъ былъ любимъ какъ гражданами Ростова, такъ и приближенными къ нему лицами. Лѣтописи чрезвычайно восхваляютъ его, говоря, что онъ былъ красивъ лицемъ [42]), имѣлъ ясный и грозный взоръ, былъ храбръ на охотѣ и пр. Относительно своихъ бояръ кн. Василько Ростовскій былъ чрезвычайно ласковъ: кто изъ бояръ служилъ ему, кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ съ нимъ чашу, тотъ, по словамъ лѣтописи, не могъ уже служить другому князю [43]).

С. Р. Л. I, 162). Впрочемъ, можетъ быть и одинъ былъ Шеринскій лѣсъ, и въ такомъ случаѣ онъ тянулся отъ р. Шерны, впадающей въ Медвѣдицу, по направленію къ Переяславлю. *Е. Е. Замысловскій* (см его Атласъ, № 2) указываетъ Шерпинскій лѣсъ въ трехугольникѣ, образуемомъ сліяніемъ р.р. Которости и Пальны.

42) Любопытно производство имени Василька, сдѣланное нашими грамотѣями XVII вѣка, а можетъ быть и раньше). Въ рукописной Тотемской лѣтописи, отрывки изъ которой напечатаны были въ Яросл. Губ. Вѣд. 1850—1851 г.г., на поляхъ сдѣланы дополненія и замѣтки почеркомъ, отличнымъ отъ того, которымъ писана сама лѣтопись. По одной изъ такихъ замѣтокъ, имя Василька происходитъ отъ извѣстнаго краснваго цвѣтка (василекъ). Выходитъ, слѣдовательно, по замѣткѣ, что имя Василько давалось очень красивымъ Васильямъ.

43) П. С. Р. Л. I, 196, 198, 199; 222, 224—225; IV, 32—33; V, 173—174; VII, 140—143, 236; XV, 368, 370—372.

Василько Константиновичъ, какъ мы уже сказали, былъ женатъ, съ 1227 года, на Маріи, дочери Михаила Всеволодовича кн. Черниговскаго. Отъ этого брака у него, на сколько мы знаемъ, было два сына: Борисъ кн. Ростовскій и Глѣбъ кн. Бѣлозерскій [44]).

Борисъ Васильковичъ.

р. 1231†1277 г.

Борисъ Васильковичъ родился 24 іюля 1231 года въ Ростовѣ [45]).

Спасшись отъ татарскаго меча,—это обстоятельство бытописатели наши сочли необходимымъ занести на страницы отечественныхъ лѣтописей [46]),—Борисъ, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Глѣбомъ, сѣлъ на Ростовскомъ княженіи [47]).

---

44) Въ Никон. лѣт. (Ш, 93 подъ 6802 г., конечно ошибочно, сказано, что Андрей Александровичъ в. кн. Владимірскій женился на дочери Василька Ростовскаго. Онъ женился на правнучкѣ Василька, княжнѣ Василисѣ дочери князя Дмитрія Борисовича Ростовскаго. Дочь же Василька въ 6802 году была бы черезчуръ стара для замужества. См. ниже біографію Дмитрія Борисовича.—Супруга кн. Василька Константиновича, Марія, скончалась 9-го декабря 1271 года и погребена въ Ростовѣ въ основанномъ ею Спасскомъ монастырѣ. См. Ник. Ш, 54 и Твер. 404. Изъ этого видно, что авторъ статьи «Василій (Василько) Константиновичъ кн. Ростовскій» (въ Яросл. Губ. Вѣд 1843 г. № 16), слѣдуя Русскому Временнику, невѣрно отнесъ извѣстіе послѣдняго о старшей дочери Михаила Черниговскаго, Ѳеодуліи (въ иночествѣ Евфросиніи, бывшей въ Суздальскомъ Рязположенскомъ монастырѣ) къ младшей дочери, бывшей за Васильковъ. См. графа *М. В. Толстаго:* «Святыни и древности Ростова-Великаго».—Православная церковь причислила князя Василька Ростовскаго къ лику святыхъ и совершаетъ память о немъ 4 марта.

45) П. С. Р. Л. I, 195; IV, 29; VII, 137. Лаврентьевская лѣт. подъ тѣмъ же годомъ отмѣчаетъ, что вмѣстѣ съ отцемъ и дядьями онъ находился при освященіи въ Ростовѣ соборной церкви, происходившемъ 14 августа.

46) Ibid. I, 200, 225; IV, 33; V, 174; VII, 143; XV, 373; Ник. Ш, 3.

47) Ibid. IV, 34; Ник. Ш, 4. Въ послѣдней сказано, подъ 1238 г., что Глѣбъ сѣлъ на Бѣлоозерѣ. Это, по всей вѣроятности, означаетъ только, что ему предназначено было Бѣлоозеро, самъ же

Съ юныхъ лѣтъ пришлось Борису Васильковичу совершать частыя путешествія къ порабoтителямъ Руси. Въ 1244 г., когда, слѣдовательно, ему было еще только 13 лѣтъ, онъ ѣздилъ въ орду съ дядей своимъ, Владиміромъ Константиновичемъ, кн. Угличскимъ, и братьями: роднымъ—Глѣбомъ и двоюроднымъ—Васильемъ Всеволодовичемъ Ярославскимъ. Поименованные нами князья ходили въ орду, какъ говорится въ лѣтописи, «про свою отчину», т. е. хлопотать объ утвержденіи за ними ихъ наслѣдственныхъ удѣловъ, становясь такимъ образомъ улусниками хана. Батый, «разслушавъ ихъ о семъ и разсудивъ, даде имъ вотчину ихъ и отпусти ихъ с честію» [48]). Въ слѣдующемъ 1245 г., въ концѣ лѣта, Борисъ сопровождалъ въ орду дѣда своего, Михаила Всеволодовича Черниговскаго, который обреченъ былъ тамъ на смерть за то, что не хотѣлъ соблюсти татарскихъ языческихъ обрядовъ: не хотѣлъ поклониться кусту, солнцу и идоламъ. Юный Борисъ умолялъ дѣда подчиниться необходимости, бояре настаивали на томъ же и брали грѣхъ этотъ на себя, но все было напрасно: Михаилъ и боярипъ его Ѳедоръ остались непреклонны и были звѣрски убиты за то татарами. Бориса же Батый послалъ къ сыну своему Сартаку, кочевавшему на границахъ Руси; послѣдній, говоритъ лѣтопись, «почтивъ его и отпусти во свояси» [49]).

Въ 1248 г. Борисъ Васильковичъ женился на Маріи, дочери Муромскаго князя Ярослава, котораго новѣйшія родословныя считаютъ Святославичемъ [50]). Въ слѣдующемъ 1249 году мы видимъ Бориса съ его младшимъ братомъ и матерью во Владимірѣ. Пребываніе Ростовской княжеской семьи во Владимірѣ объясняется тѣмъ, что во Владимірѣ въ этомъ году скончался, не оставивъ мужскаго потомства, князь Василій Всеволодовичъ Ярославскій. Тѣло скончавшагося Ярославскаго князя

онъ, въ это время еще младенецъ, жилъ, до времени конечно, въ Ростовѣ при матери. Но этому-то другія лѣтописи (ibid. I, IV, V, VII, XV и даже также Ник. III, 3, подъ 1238 г.) и говорятъ, что по уходѣ Батыя Глѣбъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, сѣлъ на Ростовскомъ княженіи.

48) Ibid. I, 201, 226; VII, 152; XV, 385; Ник. III, 18.

49) Ibid. I, 201; V, 184; VII, 154—156; Ник. III, 20—26. Нѣкоторыя изъ указанныхъ лѣтописей относятъ эту поѣздку въ орду къ 6753, а нѣкоторыя—къ 6754 году.

50) Ibid. I, 201, 226; VII, 159, 173.

провожалъ изъ Владиміра вмѣстѣ съ Александромъ Невскимъ и Борисъ Васильковичъ [51]).

Съ 1250 года снова начинаются частыя поѣздки Бориса въ орду. Подъ 1250 годомъ въ лѣтописяхъ отмѣчена поѣздка Бориса къ Сартаку, но о причинахъ этой поѣздки ничего неговорится. Сартакъ, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, принялъ Бориса съ честію и отпустилъ его затѣмъ домой въ Ростовъ [52]).

Черезъ 5 лѣтъ послѣ того въ ордѣ совершилась важная перемѣна: въ 1255 г. Батый умеръ и ханскій престолъ достался сыну его, вѣроятно, Сартаку. Послѣдній вскорѣ былъ убитъ дядей своимъ Беркой, который объявилъ себя ханомъ. При немъ важную—по отношенію къ Руси—роль игралъ въ ордѣ одинъ изъ приближенныхъ его, Улавчій. Улавчію, между прочимъ, ханъ поручилъ вѣдать дѣла Руси. Кажется, происшедшей перемѣной въ ордѣ и слѣдуетъ объяснить поѣздку туда, въ 1256 году, Бориса Васильковича, который поднесъ дары Улавчію и съ честію отпущенъ былъ домой [53]). Въ слѣдующемъ 1257 году Борисъ опять ходилъ въ орду съ дарами къ тому же Улавчію, но уже не одинъ, а съ Александромъ Невскимъ и братомъ его Андреемъ. Подъ тѣмъ же годомъ въ лѣтописяхъ, за извѣстіемъ о поѣздкѣ означенныхъ выше князей въ орду, записано, что зимой того же 1257 года пришли на Русь татарскіе численники и изочли всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую [54]). Можетъ быть, послѣдняя поѣздка князей Бориса, Александра и Андрея въ орду была попыткой, хотя и неудачной, избавиться отъ татарской переписи населенія Руси [55]).

Въ 1258 г. Борисъ Васильковичъ снова вмѣстѣ съ Александромъ Невскимъ, Андреемъ Суздальскимъ и еще Ярославомъ Тверскимъ посѣтилъ орду. Борисъ возвратился въ Ростовъ осенью этого же года вмѣстѣ съ братомъ своимъ Глѣбомъ, который еще въ 1257 г., отправившись въ орду, женился тамъ и теперь возвращался въ свою отчину съ молодой женой. И эта поѣздка князей въ орду была, кажется, въ связи съ пере-

---

51) Ibid. I, 202. Наши догадки о причинѣ собранія князей во Владимірѣ см. въ біографіи кн. Василія Всеволодовича Ярославскаго,—Яросл. Губ. Вѣд. 1887 года № 6, стр. 2

52) Ibid. I, 202; VII, 159; Ник. III, 32.

53) II. С. Р. Л. I, 203; Ник. III, 37.

54) Ibid. I, 203, 226; XV, 401; Ник. ibid.

55) Карамзинъ IV, 48.

писью населенія Руси. По крайней мѣрѣ, въ томъ же году, зимой, во Владиміръ пріѣхали татарскіе численники и всѣ вышеупомянутые князья должны были отправиться съ ними для переписи Новгородской земли [56]). По уходѣ татаръ, новгородцы задержали Александра Невскаго у себя, а прочіе князья разъѣхались по своимъ отчинамъ. Въ слѣдующемъ 1259 году Александръ, по дорогѣ изъ Новгорода во Владиміръ, заѣзжалъ въ Ростовъ, гдѣ радушно былъ принятъ братьями — Васильковичами и матерью ихъ кн. Маріею Михаиловною [57]).

Затѣмъ до 1277 года, т. е. года кончины Бориса, лѣтописи почти ничего о немъ не говорятъ. Онѣ отмѣчаютъ только два—три факта изъ его жизни и притомъ болѣе семейнаго характера, именно: назначеніе въ 1261 году Александромъ Невскимъ вмѣстѣ съ братьями Васильковичами архимандрита Игнатія въ помощники уже престарѣлому епископу Кириллу [58]); въ 1268 г.–рожденіе у Бориса сына Василія [59]),—подъ 1271 годомъ—кончину матери его, княгини Маріи [60]), а подъ 1276 —женитьбу сына его, Дмитрія [61]).

Въ 1277 т. ханъ Менгу-Тимуръ собирался въ походъ на кавказскихъ ясовъ (аланъ), чтобы смирить ихъ непокорность. На помощь къ нему отправились князья: Андрей Городецкій, Ѳеодоръ Ярославскій и братья Васильковичи, Борисъ и Глѣбъ. Борисъ, по прибытіи въ орду, заболѣлъ и, готовясь къ смерти, хотѣлъ было принять иноческій образъ, но супруга его отговорила его отъ такого намѣренія, въ надеждѣ на благополучный исходъ болѣзни. Надежды ея, однако, не сбылись: 16 сентября Борисъ Васильковичъ скончался Сынъ его Дмитрій и супруга перевезли тѣло князя Бориса въ Ростовъ и похоронили его 13 ноября въ соборной Успенской церкви на лѣвой сторонѣ родовой усыпальницы князей Ростовскихъ [62]).

Отъ брака съ княжной Маріей Ярославной Муромской [63])

---

56) II. С. Р. Л. I, 203; Ник. III, 38—40.
57) Ibid. I. 203, 226; XV, 401; Ник. III, 40.
58) Ibid. I, 204; Ник. III, 41.
59) Ibid. VII, 167; XV, 403; Ник. III, 46.
60) Ibid. I, 226; XV, 404; Ник. III, 54.
61) Ibid. I, VII, 173; Ник. III, 61.
62) Ibid. I, 227; IV, 43; V, 199; VII, 173; XV, 405; Ник. III, 61—63.
63) Княгиня Марія Ярославна Ростовская скончалась въ 1297 году. Ibid. I, 228.

Борисъ Васильковичъ имѣлъ трехъ сыновей: Дмитрія, Василья и Константина.

Глѣбъ Васильковичъ.

р. 1237†1278 г.

По смерти Бориса Васильковича, въ Ростовѣ сѣлъ братъ его Глѣбъ Бѣлозерскій, помимо племянниковъ своихъ Борисовичей, такъ что въ рукахъ Глѣба соединились Ростовское и Бѣлозерское княжества [64]). Но онъ вскорѣ, по занятіи Ростова, а именно около половины іюня (по другимъ извѣстіямъ—іюля) 1278 г., скончался. Подробно о немъ мы будемъ говорить въ нашемъ изслѣдованіи о князьяхъ Бѣлозерскихъ.

Дмитрій Борисовичъ.

р. 1253†1294 г.

Дмитрій Борисовичъ родился 11 сентября 1253 года [65]). Отмѣтивъ годъ его рожденія, лѣтописи затѣмъ умалчиваютъ о немъ въ продолженіи 23 лѣтъ, т. е. до 1276 года. Въ этомъ году въ лѣтописяхъ упоминается, что Дмитрій Борисовичъ женился зимою, неизвѣстно на комъ [66]); въ слѣдующемъ же году, какъ мы уже говорили, онъ вмѣстѣ съ отцемъ, матерью и младшимъ братомъ Константиномъ отправился въ орду, гдѣ 16 сентября и скончался Борисъ Васильковичъ, тѣло котораго привезено было въ Ростовъ и похоронено 13 ноября въ Успенскомъ соборѣ [67]).

По смерти Бориса въ Ростовѣ сѣлъ младшій братъ его, Глѣбъ Бѣлозерскій. Неизвѣстно, были ли при немъ чѣмъ либо надѣлены Борисовичи его племянники. Впрочемъ, Глѣбъ занималъ Ростовскій столъ менѣе года, такъ какъ, занявъ послѣдній не ранѣе сентября 1277 года, онъ уже лѣтомъ слѣ-

---

64) Ibid. I, 227; IV, 43; V, 199; VII, 174.
65) Ibid. I, 202, 226; IV, 38; VII, 160; Ник. III, 35.
66) Ibid. VII, 173; Ник. III, 61.
67) См. прим. 62 и текстъ къ нему.

дующаго 1278 года скончался [68]). Послѣ Глѣба Ростовъ заняли братья Борисовичи [69]).

Занявъ въ 1277 году Ростовъ, Глѣбъ Васильковичъ отдалъ Бѣлоозеро сыну своему Михаилу. Достовѣрныхъ извѣстій о томъ, какія волости получили братья Борисовичи, мы не имѣемъ, но можно было бы предполагать, что Глѣбъ, по всему вѣроятію, обидилъ своихъ племянниковъ относительно волостей,— по крайней мѣрѣ на основаніи того факта, что между двоюродными братьями, внуками Василька, происходили какіе-то раздоры; такъ, вскорѣ послѣ смерти Глѣба (въ 1279 г.), Дмитрій Борисовичъ отнялъ у Михаила Глѣбовича волости его «со грѣхомъ и неправдою великою», какъ говоритъ лѣтопись [70]). Впрочемъ, едва ли будетъ справедливо на основаніи этого факта выводить заключеніе, что Дмитрій Борисовичъ былъ обиженъ въ чемъ-нибудь своимъ дядею Глѣбомъ, такъ какъ мы видимъ, что и съ роднымъ своимъ братомъ, Константиномъ, Дмитрій жилъ не въ ладахъ. Такъ, въ 1281 г. братья сильно поссорились, но что было причиной ссоры, лѣтописи не объясняютъ, говоря только, что «воздвиже дьяволъ вражду и крамолу межи братома», такъ что Константинъ уѣхалъ во Владиміръ къ великому князю, а Дмитрій «нача рать съ вокупляти въ Ростовѣ, блюдяся братьи, и городъ весь замяте». Принимая во вниманіе

---

68) Князь Борисъ Ростовскій умеръ, какъ мы видѣли, въ ордѣ 16 сентября 1277 г., а похороненъ 13 ноября того же года; Глѣбъ же—по однимъ извѣстіямъ скончался 13 іюня, а по другимъ—12 іюля 1278 года.

69) П. С. Р. Л. I, 227; IV, 43; V, 199; VII, 174; Ник. III, 167. «По немъ (Глѣбѣ), сказано въ лѣтописяхъ, сѣдоста два князя въ Ростовѣ, Дмитрій да Костянтинъ Борисовы дѣти Василковича». Что касается третьяго (по старшинству—втораго) Борисова сына, Василія, то намъ извѣстенъ только годъ его рожденія— 1268 (Ibid. VII, 167; XV, 403; Ник. III, 46). Вѣроятно, онъ умеръ въ младенчествѣ.

70) Ibid. VII, 174; Ник. III, 68. Подъ слѣдующимъ годомъ въ указанныхъ лѣтописяхъ говорится о томъ, что Дмитрій выпросилъ у митрополита Кирилла прощеніе Ростовскому владыкѣ Игнатію, отрѣшенному отъ епископства за то, что онъ «изрину его (Глѣба Васильковича) изъ церкви въ полунощи и повелѣ его погрести у Спаса въ княгининѣ монастырѣ». Догадки о причинѣ подобнаго поступка Игнатія будутъ указаны нами въ изслѣдованіи о князьяхъ Бѣлозерскихъ.

поступокъ Дмитрія Борисовича съ Михаиломъ Глѣбовичемъ, можно предположить, что и причиною ссоры его съ роднымъ братомъ были его властолюбивыя и корыстныя стремленія. Дмитрій хорошо зналъ, что онъ шелъ въ старшей линіи потомковъ Всеволода Юрьевича и что великокняжеское достоинство зависѣло тогда не отъ родоваго старшинства, а отъ воли царя, ордынскаго хана, для пріобрѣтенія благосклонности котораго требовалось только обладать богатой казной. Не стремился ли поэтому и Дмитрій сдѣлаться побогаче на счетъ своихъ братьевъ, роднаго и двоюроднаго?... Но возвратимся къ прерванному разсказу. Константинъ уѣхалъ во Владиміръ къ вел. кн. Дмитрію Александровичу. Владыка Ростовскій Игнатій также отправился во Владиміръ и упросилъ великаго князя взяться за дѣло примиренія братьевъ. Великій князь вмѣстѣ съ Игнатіемъ и своими боярами прибылъ въ Ростовъ и уговорилъ братьевъ примириться [71]).

Въ 1285 году скончался Угличскій князь Романъ Владиміровичъ, не оставивъ потомства, и удѣлъ его былъ присоединенъ къ Ростовскому княжеству. Потому-то, конечно, мы и встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ подъ 1286, а въ Никоновской — подъ 1287 годомъ, извѣстіе о дѣлежѣ между Борисовичами увеличившейся отчины ихъ. О распредѣленіи городовъ между ними лѣтописныя извѣстія показываютъ разнорѣчиво, но болѣе правдоподобны тѣ лѣтописныя свѣдѣнія, по которымъ Дмитрію достался Угличъ, а Константину—Ростовъ [72]).

---

71) Ibid. VII, 175; Ник. III, 71. *С. М. Соловьевъ* (Ист. Р. III, 244; изд. 3) предполагаетъ, что вражда между братьями произошла вслѣдствіе смерти Угличскаго князя Романа Владиміровича въ 1279 году; но Романъ Владиміровичъ умеръ, по Троицкой лѣтописи, въ 1283 г., а по всѣмъ другимъ, въ которыхъ о томъ говорится, и даже по Кисселю (Исторія г. Углича, стр. 72),—въ 1285 г. (П. С. Р. Л. I, 227; V, 201; VII, 178 и Ник. III, 31).

72) Ibid. I. 227; V, 201; VII, 174) Во всѣхъ этихъ лѣтописяхъ говорится, что Дмитрію достался Угличъ, а Константину—Ростовъ. Въ Архангело-городской лѣтописи (стр. 61) и Устюжской (Кар. IV, пр. 168) сказано, что *по жребію* («паде жребій»—въ Арханг.) Дмитрій получилъ Угличъ и Бѣлоозеро, а Константинъ—Ростовъ и Устюгъ. Въ обѣихъ лѣтописяхъ прибавлено, что Константинъ тогда же уѣхалъ на Устюгъ. Одна только Никоновская лѣт. (III, 85 подъ 6795 г.) говоритъ, что Ростовъ получилъ Дмитрій, а Константину достался Угличъ) *С. М. Соловьевъ* (III, 244)

Въ 1288 г. великій князь Дмитрій Александровичъ собрался въ походъ на Тверскаго князя. Причина похода выставлена лѣтописцемъ не совсѣмъ ясно: «по въсхотѣ Михаилъ Тверскый

принимаетъ, очевидно, извѣстіе послѣдней за болѣе достовѣрное. Но по два ли города получили князья? Устюгъ, конечно, принадлежалъ Ростовскому княжеству, а Бѣлоозеро? Гдѣ же сидѣлъ въ это время Михаилъ Глѣбовичъ? Никоновская лѣтопись, сказавъ, что Дмитрій получилъ Ростовъ, а Константинъ—Угличъ, тотчасъ же добавляетъ: «а братъ ихъ издвоюродныхъ, князь Михайло Глѣбовичъ, внукъ Васильковъ, сяде на Белѣ озере». Но и въ этомъ случаѣ является вопросъ, гдѣ же до этого времени Михаилъ Глѣбовичъ былъ? Вопросы эти приходится оставить пока открытыми.— Здѣсь же скажемъ объ одномъ, довольно загадочномъ, мѣстѣ Троицкой лѣт. (I, 227). Подъ 6796 г. въ ней говорится: «сѣде Андрѣй Александровичъ на Ярославлѣ, а Александръ Ѳедоровичъ (о которомъ будетъ говорено въ изслѣдованіи о князьяхъ Угличскихъ) на Угличѣ полѣ», между тѣмъ какъ въ этомъ же году въ походѣ великаго князя на Тверь, участвовалъ и Дмитрій Борисовичъ. Этотъ походъ однѣ лѣтописи, какъ будетъ сказано въ текстѣ, относятъ къ 1288, другія къ 1289 году. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ является неизбѣжнымъ вопросъ, куда же дѣлся Дмитрій Борисовичъ которому Угличъ достался по раздѣлу 1286 года, т. е. какую же волость занималъ въ отказанномъ году Дмитрій если въ Угличѣ сѣлъ какой-то «Александръ Ѳедоровичъ«? Если походъ на Тверь былъ въ 1288 г., то, естественно, въ отсутствіи Угличскаго князя Угличъ могъ быть занятъ насильственно. Но кто же былъ этотъ князь Александръ Ѳедоровичъ, упоминаемый только два раза (подъ 6802 г. говорится объ его смерти) и притомъ только въ одной лѣтописи? Онъ могъ годиться въ сыновья, какъ справедливо замѣтилъ еще *М. Д. Хмыревъ* (№ 265), только Ѳедору Ростиславичу Ярославскому. Но ни изъ лѣтописей, ни изъ родословныхъ не видно, чтобы у Ѳедора Ростиславича былъ сынъ Александръ. Вообще, надобно замѣтить, что подъ конецъ княженія Дмитрія Александровича интересы князей и ихъ группировки на партіи до того перепутываются, извѣстія лѣтописей до того скупы на объясненія тѣхъ или другихъ явленій, что становишься въ недоумѣніе и не находишь выхода изъ этого лабиринта... Какимъ образомъ Андрей Александровичъ (по одной Троицкой лѣт.) попалъ въ 1288 г., въ Ярославль, гдѣ были сынъ (Михаилъ) и жена Ѳеодора Ростиславича? По мѣстнымъ лѣтописямъ (кажется, по *Супоневской*, см. Киселя: «Исторія г. Углича», стр. 78 и 85, на которой приводится выписка изъ этой лѣтописи) въ помянутомъ году Андрей со множествомъ татаръ занялъ Угличъ. Въ

поклонитися великому князю Дмитрію, и нача наряжати полки». Для этого похода великій князь созвалъ подъ свои стяги братьевъ своихъ, Андрея и Даніила, Дмитрія Борисовича «и вся, я же суть подъ нимъ»; призвалъ и новгородцевъ, которые явились съ посадникомъ своимъ, Андреемъ. Враги встрѣтились у Кашина; великій князь простоялъ подъ этимъ городомъ девять дней и наконецъ примирился съ княземъ Тверскимъ [73]).

слѣдующемъ 1289 г., по печатнымъ лѣтописямъ, видимъ множество татаръ въ Ростовѣ, откуда ихъ изгоняютъ граждане. Далѣе мы видимъ, что Дмитрій Борисовичъ, съ 1286 или 1292 г. (см. ниже примѣч.) входитъ въ свойство съ великимъ княземъ Дмитріемъ (сынъ послѣдняго женится на дочери перваго), а въ 1293 г. идетъ противъ своего свата, помогая врагу его, Андрею. Все это указываетъ на то, что страсти властолюбія и корыстолюбія были слишкомъ разнузданы, чтобы объятые ими князья того времени могли дѣйствовать справедливо по отношенію другъ къ другу и логично Трудно разобраться въ этомъ хаосѣ. См. текстъ послѣ 74-го прим.

73) П. С. Р. Л. III, 65; IV, 44; V, 201; VII, 179 (подъ 6795 г.); XV, 406 (подъ 6796 г.). Мы передали этотъ походъ, какъ и годъ его, по Тверской лѣтописи, въ которой ничего неговорится объ участіи въ походѣ новгородцевъ, но перечисляются лишь удѣльные князья, даже съ добавленіемъ: «и вся (князья), яже суть подъ нимъ» (вел. княземъ). Въ остальныхъ лѣтописяхъ, кромѣ Воскресенской, объ удѣльныхъ князьяхъ не упоминается, но говорится о новгородцахъ. Въ Воскресенской лѣтописи передается только голый фактъ, что этотъ походъ окончился встрѣчей враговъ у Кашина и ихъ примиреніемъ. Что касается Никоновской лѣтописи, то она, кажется, путаетъ дѣло: подъ 6795 г. она передаетъ голый факъ (почти такъ же, какъ и Воскресенская о томъ, что Дмитрій Александровичъ пошелъ ратью на Тверь, а Михаилъ Ярославичъ пошелъ къ нему на встрѣчу, что они пришли (конечно, сошлись) къ Кашину «и тамо ссылающеся смиришася». Затѣмъ, подъ слѣдующимъ 6796 г. эта же лѣтопись описываетъ походъ Дмитрія на Тверь такъ же, какъ онъ, подъ тѣмъ же годомъ, разсказанъ въ Тверской лѣтописи. Очевидно, составитель Никоновской лѣтописи пользовался двумя изводами лѣтописей, изъ которыхъ одинъ близокъ къ редакціи Тверской лѣт., а другой къ Воскресенской. Мало того, составитель взялъ и третій варіантъ этого похода, представляемый остальными лѣтописями. И здѣсь онъ распорядился по своему: во 1-хъ, походъ былъ въ 6798 г.; во 2-хъ, на Тверь идетъ съ новгородцами, съ которыми былъ посадникъ Андрей, не в. кн. Дмитрій Александровичъ, а Дмитрій

Нѣкоторыя лѣтописи, непосредственно за Тверскимъ походомъ, передаютъ извѣстіе о томъ, что Дмитрій Борисовичъ въ томъ же году сѣлъ въ Ростовѣ [74]). Надобно полагать, что Константинъ, въ такомъ случаѣ, сѣлъ въ Угличѣ, и что эта мѣна удѣлами произошла добровольно, такъ какъ нѣтъ никакихъ лѣтописныхъ указаній на то, чтобы братья находились въ это время въ ссорѣ. Подъ слѣдующимъ 1289 годомъ въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (а вслѣдъ за извѣстіемъ о томъ, что Борисъ сѣлъ въ Ростовѣ) говорится, что въ этомъ городѣ въ это время было чрезвычайно много татаръ и что граждане Ростовскіе по рѣшенію вѣча, ограбили и выгнали въ этомъ году послѣднихъ изъ Ростова. Послѣ этого извѣстія въ лѣтописяхъ занесенъ фактъ, что Константинъ ходилъ въ томъ же году въ орду. Никоновская лѣтопись послѣднее обстоятельство передаетъ иначе, именно, что въ 1289 году въ орду ходили оба брата и съ женами своими, что царь держалъ ихъ въ чести и съ честію же отпустилъ восвояси въ томъ же году [75]).

Борисовичъ Ростовскій!... Впрочемъ, тутъ есть и особенность: составитель лѣтописи говоритъ, не указывая на мѣсто, что тверичи съ новгородцами, пришедшими съ посадникомъ Андреемъ, примирились, а Дмитрій Борисовичъ пошелъ ратью къ Кашину и тамъ «взя миръ». Кстати замѣтимъ, что въ 1290 г. посадничество у Андрея было отнято. Развѣ послѣ похода?... (II. С. Р. Л. III, 65). См. Ник. III, 86—88.

74) Ibid. I, 227; III, 65; V, 201; VII, 179; XV, 406.

75) Ibid. I, 227; IV, 44; V, 201; VII, 179; Ник, III, 88. Въ Новгородской 4-ой, какъ и въ Софійской 1-ой лѣтописи говорится, непосредственно за извѣстіемъ о походѣ на Тверь (повторяемъ, что въ этихъ лѣтописяхъ не говорится объ участіи удѣльныхъ князей въ этомъ походѣ): «а князь Дмитрій Ростовскій нача вѣдати *всю свою отчину* и ходилъ къ Кашину ратью»,—между тѣмъ какъ въ Троицкой сказано только: «сѣде Дмитрій Борисовичъ Ростовѣ». Здѣсь останавливаютъ на себѣ вниманіе слова Новгородской 4-ой лѣтописи: «всю свою отчину». Если буквально принимать ихъ, то надобно думать, что Константинъ былъ опять обиженъ старшимъ братомъ, и въ такомъ случаѣ не это ли обстоятельство заставило его, въ томъ же году, идти въ орду? Съ другой стороны, по извѣстію Никоновской лѣтописи оба они съ женами своими ходили въ орду, съ честью были приняты царемъ и съ честью отпущены, что указываетъ на мирныя между братьями отношенія; кромѣ того на то же указываетъ и извѣстіе Устюжскаго лѣтописца (Кар. IV, пр. 182) о томъ, что оба эти князя, въ

Такимъ образомъ, на поѣздку въ орду—одного ли Константина, обоихъ ли братьевъ съ ихъ женами—надобно смотрѣть, кажется, какъ на попытку умилостивить хана за изгнаніе татаръ изъ Ростова [76]).

Конецъ своей жизни Дмитрій Борисовичъ омрачилъ участіемъ своимъ въ происках Андрея Александровича противъ старшаго брата великаго князя Дмитрія. Въ 1293 году Дмитрій вмѣстѣ съ Андреемъ Александровичемъ, братомъ своимъ Константиномъ и Ѳедоромъ Ростиславичемъ Ярославскимъ, будучи въ ордѣ, успѣли оклеветать Дмитрія Александровича передъ ханомъ; послѣдній далъ упомянутымъ князьямъ, когда они возвращались въ свои отчины, отрядъ татаръ, подъ начальствомъ Дуденя, для наказанія великаго князя [77]). Въ 1294 году Дмитрій Борисовичъ скончался [78]).

слѣдующемъ 1290 г., послали на Устюгъ владыку Тарасія освящать новоизданную церковь Успенія, а съ владыкой послали для этой церкви образъ Пр. Богородицы Одигитріи и колоколъ тюрпкъ. Въ виду всего этого вышеприведенную фразу Новгородской 4-ой лѣтописи нельзя понимать буквально. Что же касается послѣднихъ словъ вышеприведеннаго мѣста изъ той же лѣтописи, то они попали сюда по всему вѣроятію случайно, какъ обломокъ вмѣсто цѣлаго, а потому и подаютъ поводъ думать о самостоятельномъ походѣ Дмитрія къ Кашину: эти слова заимствованы изъ маленькаго разсказа о походѣ на Тверь в. кн. Дмитрія, съ которымъ, въ числѣ другихъ князей, ходилъ и Дмитрій Борисовичъ.

76) Карамзинъ (IV, 86—87), неизвѣстно, на какомъ основаніи, положительно говоритъ, что Дмитрій послалъ въ орду брата Константина, чтобы оправдать передъ ханомъ народъ или себя за обиду, нанесенную татарамъ въ Ростовѣ.

77) П. С. Р. Л. I, 228; IV, 44; Ник. III, 89—91. Болѣе подробно объ этомъ событіи см. въ біографіи Ѳедора Ростиславича Ярославскаго (Яр. Губ. Вѣд. 1887 года № 9). Въ Никоновской лѣтописи (стр. 90) есть относящееся сюда непонятное мѣсто. Конецъ перечня ходившихъ въ орду князей въ ней испорченъ. Вотъ онъ:..... «да князь Ѳедоръ Ростиславичъ Ярослав скии и Смоленскии, да князь *Иванъ Дмитріевича Ростовскаго*, да епископъ Тарасіи Ростовскии». Въ другихъ лѣтописяхъ нѣтъ перечня князей... Можетъ быть, вм. *Дмитріевича* надобно читать Дмитріевичъ съ добавленіемъ: «зять Дмитрія Борисовича». Въ такомъ случаѣ это будетъ сынъ великаго князя. Но не видно, чѣмъ онъ могъ быть озлобленъ противъ отца.

78) Ibid. I, 228; IV, 45; V, 202; VII, 181.

Отъ брака съ неизвѣстной этотъ князь имѣлъ одного сына, Михаила [79]), и трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая, неизвѣстная намъ по имени, въ 1292 г., вышла за Ивана

79) Какъ въ лѣтописяхъ, такъ и родословныхъ относительно дѣтей Дмитрія и Константина Борисовичей встрѣчаются противорѣчія. О рожденіи дѣтей у братьевъ Борисовичей говорится въ лѣтописяхъ: Троицкой, Новгородской 4-ой, Софійской первой, Воскресенской, Никоновской и въ лѣтоп., служ. продолж. Нест. (см. въ первыхъ четырехъ и послѣдней подъ 6794 г., а въ предпослѣдней—подъ 6795 годомъ). По первымъ тремъ у Дмитрія, въ 1286 г., родился сынъ Михаилъ, а у Константина—Александръ; по остальнымъ же лѣтописямъ у Дмитрія, напротивъ, родился Александръ, а у Константина—Михаилъ. Въ Архангелогородской лѣт., подъ 6795 г., говорится объ одномъ Константинѣ, что у него родился сынъ Александръ; о Дмитріи же ничего не сказано. Родословныя тоже не согласны относительно этого предмета: одинъ изъ нихъ—и большая часть—считаютъ Михаила сыномъ Константина, а Дмитрію даютъ Александра, и въ послѣднемъ случаѣ не даютъ (наприм., «Бархатная книга») Константину сына Александра. Изъ новѣйшихъ родословныхъ одинъ, какъ Долгорукова, Дмитрію даютъ сына Александра, а Константину—Михаила и Василія,—другія, какъ Строева и Головина, считая Михаила сыномъ Константина, Дмитрію даютъ сына Александра, но и у Константина показываютъ также сына Александра, который по этимъ родословнымъ умеръ, не оставивъ дѣтей, между тѣмъ какъ Александру Дмитріевичу эти родословныя даютъ сына Юрія Тоже видимъ и у С. М. Соловьева въ его родословныхъ таблицахъ (при 3-емъ томѣ его «Исторіи»), съ такой, впрочемъ, значительной разницей, что онъ обоимъ Александрамъ, и Дмитріевичу и Константиновичу, даетъ по сыну Юрію. Тѣ родословныя, которыя даютъ обоимъ Борисовичамъ, какъ и С. М. Соловьевъ, по сыну Александру, выставляютъ подъ Александромъ Дмитріевичемъ 1286 годъ, т. е. годъ его рожденія, а подъ Александромъ Константиновичемъ—1294 г., т. е. годъ, когда отецъ его, заплативъ по смерти Дмитрія Ростовъ, отдалъ ему свой Угличъ. При этомъ Соловьевъ выставляетъ еще—и это вѣрно по лѣтописямъ—годъ женитьбы Александра Константиновича—1302, а подъ Александромъ Дмитріевичемъ—годъ его смерти—1287; впрочемъ, свѣдѣній откуда маститый историкъ заимствовалъ этотъ послѣдній годъ, мы не нашли. По извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописей (см. начало этого примѣчанія), у Дмитрія родился сынъ Александръ въ 1286, а по другимъ—въ 1287 году. Можетъ быть въ таблицѣ и выставленъ годъ смерти вмѣсто года рожденія. «Указатель къ 8 то-

Дмитріевича кн. Переяславскаго [80]); вторая Анна въ 1294 г. вышла за Михаила Ярославича Тверскаго и третья Василиса,

---

мамъ П. С. Р. Л.» считаетъ Александра не *Дмитріевичемъ*, а *Константиновичемъ* (ибо ошибкой считаетъ извѣстіе Воскресенской лѣтописи), и такимъ образомъ противорѣчитъ самъ себѣ, называя Юрія Александровича сыномъ Александра *Дмитріевича*, а не Константиновича. Изъ тѣхъ мѣстъ лѣтописей (I, 229; IV, 49; V, 216; VII, 198), гдѣ говорится о Юріи Александровичѣ, не видно, кто былъ его дѣдомъ, хотя по родословнымъ (наприм. «Временника» и Бархатной) этотъ Юрій считается внукомъ Дмитрія, а за Константиномъ не считается—по упомянутымъ родословнымъ—ни сына Александра, ни внука Юрія. Что сказать о всей этой путаницѣ о дѣтяхъ Борисовичей? Прежде всего надобно замѣтить, что у братьевъ Борисовичей въ одинъ и тотъ же годъ родилось по сыну, слѣдовательно составителямъ лѣтописныхъ сводовъ естественно было перемѣшать сыновей двухъ братьевъ. Далѣе, Александръ послѣ 1286 г. вездѣ называется *Константиновичемъ*, и слѣдовательно у Константина несомнѣнно былъ сынъ Александръ, между тѣмъ какъ относительно Александра *Дмитріевича*, мы ничего не знаемъ, кромѣ извѣстія въ указанныхъ выше лѣтописяхъ о годѣ его рожденія,—а это извѣстіе мы и считаемъ ошибкой позднѣйшихъ компиляторовъ лѣтописныхъ сводовъ или даже переписчиковъ. Отсюда: какъ родословныя, такъ и наши историки ошибки однихъ и другихъ лѣтописныхъ извѣстій приняли за извѣстія самостоятельныя, почему у нихъ (Соловьевъ, наприм.) и явилось по два Александра и по два Юрія.

80) П. С. Р. Л. I, 227 (подъ 6800 годомъ); XV, 406 (то же); VII, 179 (подъ 6794 годомъ); Ник. III, 85, 89 (два раза: и подъ 6794, и подъ 6800 годами). Мы принимаемъ тѣ извѣстія, по которымъ кн. Переяславскій женился въ 1292 г. по слѣдующему соображенію: Дмитрій Борисовичъ женился, какъ мы видѣли, въ 1276 г., поэтому надобно предположить, что вышедшая за Ивана Переяславскаго дочь была старше всѣхъ дѣтей Дмитрія и родилась если не въ годъ женидьбы отца, то въ началѣ слѣдующаго. Въ такомъ случаѣ въ 1292 г. ей было 15—16 лѣтъ, и въ такомъ возрастѣ она могла вступить въ бракъ, но никакъ не въ 1286 г., когда ей было лѣтъ 10. Конечно, случались и очень ранніе браки, въ 9—11 лѣтъ, но тогда обѣ половины брачущихся не весьма сильно различались въ возрастѣ. Такъ, Константинъ Всеволодовичъ, будучи 11 лѣтъ, женился на 9-лѣтней дочери Мстислава Романовича. Что касается Ивана Дмитріевича, то въ 1294 г. его нужно предполагать уже довольно взрослымъ, не менѣе, какъ 20 лѣтнимъ человѣкомъ. Въ помянутомъ году онъ

вышедшая въ томъ же году—за сына Александра Невскаго, Андрея [81]).

Примѣчаніе. Такъ какъ имя Михаила Дмитріевича упоминается въ лѣтописяхъ только одинъ разъ по поводу его рожденія, а родословныя всѣ считаютъ этого князя бездѣтнымъ, то надобно предполагать, что онъ умеръ въ младенчествѣ, и потому говорить о немъ отдѣльно мы не будемъ.

Константинъ Борисовичъ.

р. 1255†1307 г.

Имя Константина Борисовича, родившагося 30 іюля 1255 года, начинаетъ появляться на страницахъ лѣтописей только съ 1277 г. [82]). Въ этомъ году вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, матерью и старшимъ братомъ этотъ князь отправился въ орду, чтобы принять участіе въ походѣ Мангу-Тимура на ясовъ. Въ ордѣ отецъ его заболѣлъ и скончался; мать и старшій братъ должны были съ тѣломъ умершаго князя отправиться въ Ро-

---

ѣдетъ по своимъ дѣламъ въ орду, поручаетъ блюсти свое княженіе своему любимому дядѣ Даніилу и ему-же завѣщеваетъ по смерти своей Переяславское княженіе. Поэтому, извѣстія Ник. лѣтописи (III, 88) и Тверской (т. XV, 406) о рожденіи у в. кн. Дмитрія Александровича, въ 1290 г., сына Ивана должно быть отнесено къ другому сыну, а не къ тому, который женился на дочери Дмитрія Борисовича Ростовскаго. Иванъ, родившійся въ 1290 г., вѣроятно умеръ въ младенчествѣ, такъ какъ послѣ 1290 г. онъ уже не упоминается въ лѣтописяхъ, а потому нѣкоторые («Зерцало росс. госуд.» *Мальгина*. Спб. 1794 г., стр. 293) неосновательно считаютъ его кн. Костромскимъ, смѣшивая его съ старшимъ его братомъ, Иваномъ Переяславскимъ, дѣйствительно занимавшимъ Кострому въ 1293 г., когда Переяславль занятъ былъ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ Чернымъ.

81) Ibid. I, 228; VII, 181; XV, 407; Ник. III, 93. Послѣдняя говоритъ, что в. кн. Андрей Александровичъ «поя дщерь Василкову Ростовскаго». Очевидно, здѣсь пропущено нѣсколько словъ и *Василкову* стоитъ вм. *Василису*. Ср. прим. 44.—Замѣтимъ кстати, что выходитъ, что родные дядя и племянникъ женились, такимъ образомъ, на родныхъ сестрахъ.

82) Ibid. I, 202, 226; VII, 160; XV, 398, 400; Ник. III, 35. Въ Лавр. и Никон. лѣтописяхъ подъ 6762 годомъ, въ остальныхъ—подъ 6763 г.

стовъ, а Константинъ вмѣстѣ съ другими князьями принималъ участіе въ походѣ, изъ котораго возвратился вмѣстѣ съ дядей своимъ Глѣбомъ Бѣлозерскимъ въ половинѣ іюня 1278 года. Черезъ мѣсядъ Глѣбъ Васильковичъ пировалъ свадьбу сына своего Михаила; на этомъ пиру былъ и Константинъ Борисовичъ [83]).

При обозрѣніи княженія Дмитрія Борисовича, мы уже говорили о степени участія Константина въ обидѣ Михаила Глѣбовича въ 1279 г., о ссорѣ самихъ Борисовичей въ 1281 г. и о примиреніи ихъ великимъ княземъ. Не повторяя здѣсь подробностей этихъ событій, замѣтимъ только, что Дмитрій Александровичъ, къ которому ѣздилъ самъ Константинъ, примирилъ братьевъ, надобно полагать, весной или лѣтомъ 1281 г., такъ какъ зимой мы видимъ Константина уже во враждебномъ великому князю лагерѣ Андрея Александровича, который выхлопоталъ въ ордѣ ярлыкъ на великокняжеское достоинство въ 1282 году [84]).

Въ продолженіи послѣдующихъ пяти лѣтъ лѣтописи не сообщаютъ никакихъ извѣстій о томъ, какъ жили братья между собою и какъ владѣли Ростовомъ. Только подъ 1286 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что братья Борисовичи подѣлили свою отчину: Дмитрію достался, по жребію, Угличъ, присоединенный, какъ было уже сказано выше, къ Ростовскому удѣлу вслѣдствіе бездѣтной смерти Романа Владиміровича Угличскаго, а Константину—Ростовъ, который, впрочемъ въ 1289 г. Дмитрій опять занялъ. Напомнивъ здѣсь объ участіи Константина въ происках Андрея Александровича противъ великаго князя (см. подъ Дмитріемъ Борисовичемъ) въ 1292—3 гг., замѣтимъ, что вообще съ 1288 г. мы встрѣчаемся съ темными, трудно объяснимыми, извѣстіями лѣтописей: видимъ, напр., что въ 1288 году Угличъ занимаетъ какой-то князь Александръ Ѳедоровичъ, умершій въ 1294 г., встрѣчаемъ въ Троицкой лѣтопи-

---

83) Ibid. VII, 173—174; Ник. III, 64—65; Кар. IV, пр. 158. По Никон. лѣт. Глѣбъ и Константинъ возвратились въ Ростовъ изъ похода 13 іюня, а свадьба Михаила была 15 іюля; послѣдняя, по лѣтописной выпискѣ Карамзина, была 31 іюля, что, кажется, невозможно, такъ какъ съ 1 августа, какъ извѣстно начинается постъ.

84) Подробности и цитаты см. подъ статьею о Дмитріи Борисовичѣ.

си извѣстіе, что въ 1293 г. Александръ Константиновичъ занялъ Угличъ, и въ тойже лѣтописи, какъ и въ другихъ, подъ слѣдующимъ 1294 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти Дмитрія Борисовича и о занятіи Ростова Константиномъ; но въ первой, т. е. Троицкой лѣтописи не находится, какъ въ другихъ, извѣстіе о занятіи Углича Александромъ Константиновичемъ [85]). По естественному порядку Константинъ долженъ былъ занять Ростовъ по смерти Дмитрія, отдавъ Угличъ сыну своему Александру, какъ это, вѣроятно, и было на самомъ дѣлѣ, и въ такомъ случаѣ хронологію Троицкой лѣтописи, въ настоящемъ случаѣ, надобно считать *невѣрной*.

И такъ, событія небольшаго промежутка времени между 1288—1294 годами крайне запутаны. Причину этой путанности надо искать, кажется, въ характерѣ событій того времени. Тогда происходила борьба между родными братьями, Дмитріемъ и Андреемъ Александровичами, за великокняжескій столъ. Мелкіе князья группировались около этихъ двухъ лицъ, руководимые личными интересами, а иногда и необходимостью. При такомъ смутномъ положеніи дѣлъ удѣлы могли на короткое время переходить изъ рукъ въ руки. Помянутой борьбы не чуждъ былъ и Константинъ Борисовичъ: онъ, какъ и старшій братъ его, ходилъ съ Андреемъ Александровичемъ, въ 1293 г. жаловаться хану на великаго князя, благодаря стараніямъ котораго состоялось, какъ извѣстно, примиреніе его съ старшимъ братомъ [86]).

Какъ выше сказано уже было, Дмитрій Борисовичъ скончался въ 1293 г., и Константинъ, посадивъ въ Угличѣ сына своего Александра, занялъ Ростовъ [87]).

На слѣдующій годъ по занятіи Ростова Константинъ Борисовичъ, неизвѣстно по какой причинѣ, разссорился съ владыкой Тарасіемъ, который, вѣроятно, вслѣдствіе этой ссоры и выѣхалъ изъ Ростова въ Устюгъ. Константинъ Борисовичъ пустился за нимъ въ погоню «и ятъ владыку, и люди около его поима» [88]).

Въ одинъ годъ съ Дмитріемъ Борисовичемъ скончался ве-

---

85) См. прим. 72 и текстъ къ нему, а также и текстъ между 72 и 76 примѣчаніями.

86) II. С. Р. Л. I, 228; IV, 44; Ник. III, 89—91.

87) Ibid. I, 228; IV, 45; V, 202; VII, 181.

88) Ibid. I, 228; VII, 181; Продолж. Нест. Кар. IV, пр. 201.

ликій князь Дмитрій Александровичъ, и братъ послѣдняго Андрей уже законнымъ порядкомъ занялъ великокняжескій столъ. Честолюбивый Андрей стремился, кажется, забрать въ руки удѣльныхъ князей, которые, въ свою очередь, не хотѣли поступиться своими правами. Князья образовали два враждебныхъ лагеря: въ одномъ, съ Андреемъ во главѣ, стояли прежніе приверженцы его, Ѳеодоръ Ярославскій и Константинъ Ростовскій; въ другомъ—Михаилъ Тверскій, Даніилъ Московскій и Иванъ Переяславскій. На бурномъ съѣздѣ во Владимірѣ, въ 1296 году, въ присутствіи ханскаго посла, споры уладились, но это примиреніе было только кажущимся [89]): Андрей вскорѣ всетаки пошелъ на Переяславль. Въ 1301 году, на Дмитровскомъ съѣздѣ, князья опять разсуждали о спорныхъ дѣлахъ, и большая часть ихъ примирилась,—не примирились только, по извѣстіямъ однихъ лѣтописей, почему-то Иванъ Переяславскій и Михаилъ Тверскій, а по другимъ—Иванъ Переяславскій «зарятися» еще съ Константиномъ Ростовскимъ, но «смири ихъ владыка Семенъ» [90]).

Послѣ этого съѣзда лѣтописи не заносятъ на свои страницы ничего изъ общественной дѣятельности Константина Борисовича Ростовскаго: онѣ отмѣчаютъ только его семейныя дѣла—смерть супруги его и вторичную его женитьбу.

Константинъ Борисовичъ скончался въ ордѣ въ 1307 году [91])

Онъ женатъ былъ дважды. Первая супруга его, скончавшаяся въ 1299 г., неизвѣстна намъ ни по имени, ни по происхожденію. Во второй разъ Константинъ женился въ ордѣ у какого-то, какъ сказано въ лѣтописи, «Кутлукорткы» [92]). Дѣти у него были только отъ перваго брака, а именно: Александръ,

---

89) Ibid. IV, 45; V, 202; VII, 181; Ник. 57; III, 94.

90) Ibid. I, 209, 228.

91) Ibid. I, 229; IV, 47; V, 204; VII, 185; лѣт., служ. продолж. Нест. 60. Всѣ указанныя лѣтописи единогласно свидѣтельствуютъ, что Константинъ умеръ въ 1307 г. Только Никоновская лѣтопись (III, 102, 105) говоритъ о смерти его два раза: подъ 1304 и подъ 1309 годами. *С. М. Соловьевъ* (III, 279, изд. 3) годомъ смерти Константина принимаетъ 1309 г., можетъ быть, слѣдуя второму извѣстію Ник. лѣтописи.

92) Ibid. I, 228.

Василій и, можетъ быть, дочь, та княжна Ростовская, на которой женился, въ 1297 году Юрій Даниловичъ [93]).

О третьемъ сынѣ Бориса Васильковича, Василіи Борисовичѣ, въ лѣтописи отмѣчено только одно одно извѣстіе, что онъ родился въ 1268 г. апрѣля 16. Отсюда можно предполагать, что онъ умеръ въ младенчествѣ, а потому отдѣльно о немъ мы говорить не будемъ.

Василій Константиновичъ.

р. 1291—1316 г.

Лѣтописныя извѣстія о Василіи Константиновичѣ чрезвычайно скудны: мы находимъ въ лѣтописяхъ только два извѣстія о немъ. Во 1-хъ, лѣтописи, подъ 1291 годомъ, отмѣчаютъ его рожденіе [94]); во 2-хъ, по 1316 г. встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что онъ пришелъ изъ орды, съ татарскими послами, Казанчіемъ и Сабанчіемъ, которые «много зла сотвориша въ

---

93) Ibid. I, 228; VII, 181; Ник. III, 95. Въ указанныхъ лѣтописяхъ сказано, что Юрій Даниловичъ женился въ Ростовѣ. Извѣстно, что лѣтописная фраза «жениться въ Ростовѣ, Рязани, Твери» значитъ жениться на дочери князя Ростовскаго, Рязанскаго, Тверскаго и пр. Въ такомъ случаѣ Юрій женился на дочери Константина Борисовича, такъ какъ въ то время не было другаго князя Ростовскаго (все равно—изъ живыхъ или умершихъ) на дочери котораго онъ могъ бы жениться, если не предполагать, что у Дмитрія Борисовича, кромѣ намъ извѣстныхъ трехъ дочерей, была еще четвертая. Инзвѣстно, что внукъ кн. Константина Борисовича Ростовскаго, Константинъ Васильевичъ, женился на родной племянницѣ Юрія, дочери Ивана Калиты; такимъ образомъ, выходитъ, что если Юрій женился на дочери Константина Борисовича, то значитъ онъ женился на родной теткѣ Константина Васильевича. О рожденіи Василія Борисовича П. С. Р. Р. VII, 167; XV, 403; Ник. III, 46.

94) Ник. III, 89. Здѣсь говорится, что у Константина *Васильковича* родился сынъ Василій. Очевидно, вмѣсто *Васильковича*, надобно читать *Борисовича*. Но далѣе относительно этого Василія Константиновича какъ въ лѣтописяхъ, такъ и у нашихъ историковъ встрѣчается разногласіе. «Указатель къ 8 томамъ П. С. Р. Л.» всѣ лѣтописныя извѣстія о Василіи Константиновичѣ вообще нанизываетъ, такъ сказать, только на Василія Константиновича *Ростовскаго*, внука Борисова. Но надо принять во внима-

Ростовѣ» [95]). Что же заставило Василія приводить татаръ въ свою отчину, которыми послѣдняя была разорена? Конечно, татары не обращали вниманія на то, чью волость они разоряютъ: того ли князя, которому они помогаютъ, или врага его; но опять таки является вопросъ: зачѣмъ Василій приводилъ въ Ростовъ татаръ? Въ это время еще живъ былъ племянникъ Василія, Юрій. Но могла ли быть между ними борьба? Не выз-

---

ніе, что: а) Новгородская 4-я (т. IV, 47) и Софійская 1-я (V, 205) лѣтописи, подъ 6818 годомъ, называютъ Василія Константиновича княземъ Галицкимъ, отмѣчая рожденіе у него сына Ѳеодора; б) въ Воскресенской лѣтописи (т. VII, 185) еще яснѣе опредѣляется восходящее родство Василія Константиновича подъ тѣмъ же 6818 годомъ: «родися великому князю Василію Константиновичу, *внуку Ярославлю Галичьскому* сынъ Ѳеодоръ». Въ виду та ой ясности извѣстій, прилагать ихъ, какъ то дѣлаетъ «Указатель», къ Василію Константиновичу *Ростовскому*, кажется намъ, нѣтъ основаній; в) въ Никоновской лѣтописи, подъ тѣмъ 6818 годомъ, очевидно, говорится о томъ же Василіи Константиновичѣ, кн. *Галицкомъ*, но восходящее родство его берется отъ соименнаго съ нимъ кн. *Ростовскаго*: «Того же лѣта говорится въ этой лѣтописи родися кн. Василью Костянтиновичю *Галичскому*, внуку *Борисову*, правнуку *Василкову* сынъ Ѳеодоръ». Если положительно принять восходящее родство Василія Константиновича по Никоновской лѣтописи за ошибку—а этого, кажется, нельзя не принять—то результатъ будетъ только тотъ, что, вопреки родословнымъ, у Константина Ярославича Галицкаго будетъ *не одинъ* сынъ (Давидъ), а два, и что годъ рожденія Ѳедора Васильевича Ростовскаго окажется неизвѣстнымъ. *С. М. Соловьевъ* (III, 279, 290) признаетъ и Василія Константиновича *Галицкаго*, и сына его Ѳедора; но относительно отца Ѳедорова нѣтъ у него ясныхъ и прямыхъ указаній, хотя Шиловъ (Ключъ къ исторіи Соловьева, стр. 273) прямо называетъ Ѳедора *Васильевичемъ* С. М. Соловьевъ, говоря, что подъ 1310 г. въ лѣтописяхъ упоминается князь Галицкій Василій Константиновичъ, очевидно, разумѣетъ тѣ мѣста лѣтописей, гдѣ говорится о рожденіи у Василія сына Ѳеодора, который, такимъ образомъ, родился въ 1310 г. Принимая этого Ѳедора и отца его, Василія, за князей Галицкихъ, какъ очевидно, это принимаетъ и С. М. Соловьевъ, мы можемъ еще утвердительнѣе констатировать, что—годъ рожденія кн Ѳедора Васильевича Ростовскаго по лѣтописнымъ извѣстіямъ неизвѣстенъ, немѣшаетъ замѣтить, что С. М. Соловьевъ (см. родосл. табл. при III-мъ томѣ) годомъ рожденія Ѳедора Ростовскаго считаетъ 1311 годъ; но мы незнаемъ, на чемъ онъ основывается въ данномъ случаѣ.

другихъ княжествахъ? Въ 1316 г., какъ извѣстно великій князь Михаилъ Ярославичъ Тверской находился въ борьбѣ съ Новгородомъ; а Московскій князь Юрій Даниловичъ готовился къ борьбѣ съ Михаиломъ за великокняжеское достоинство. Въ 1317 г. Юрій пришелъ изъ орды съ посломъ Кавгадыемъ и татарами. Михаилъ, съ которымъ были всѣ Суздальскіе князья, встрѣтилъ ихъ у Костромы. Здѣсь враги примирились—Михаилъ уступилъ Юрію великокняжеское достоинство. Но зимой того же года Юрій и Кавгадый, съ которыми были также и Суздальскіе князья, пошли чрезъ Ростовъ, Переяславль, Дмитровъ и Клинъ къ Твери. Очевидно, Юрію хотѣлось не только унизить, но и ослабить своего врага, чтобы тѣмъ болѣе обезпечить за собой великокняжескій столъ. Съ Михаиломъ, когда онъ подошелъ къ Костромѣ, были всѣ Суздальскіе князья, о Ростовскихъ же князьяхъ въ лѣтописяхъ ничего не говорится. вано ли было это обстоятельство какими-нибудь событіями въ Но могли ли они оставаться въ сторонѣ, не быть задѣтыми такимъ движеніемъ, какъ борьба за великокняжескій столъ? И если на сторонѣ Михаила были князья Суздальскіе, то неужели Юрій не по старался привлечъ другихъ князей на свою сторону? Намъ думается, что именно Ростовскій князь и былъ на сторонѣ Юрія, и въ послѣднемъ случаѣ два посла и татары, пришедшіе съ Василіемъ Константиновичемъ изъ орды, не были-ли передовымъ отрядомъ главныхъ татарскихъ силъ, которыя долженъ былъ привести изъ орды самъ Юрій? [95]).

До насъ не дошло извѣстій о томъ, на комъ женатъ былъ князь Василій Константиновичъ Ростовскій; знаемъ только, что онъ имѣлъ двухъ сыновей, Ѳеодора и Константина.

Юрій Александровичъ.

† 1320 г.

Какъ мы видѣли, Василій Константиновичъ въ послѣдній разъ упоминается въ лѣтописи подъ 1316 годомъ. Надобно думать, что въ этомъ году онъ и умеръ. Въ такомъ случаѣ, бѣдствіе, постигшее Ростовъ въ 1318 г., было при его преемникѣ. Бѣдствіе это состояло въ томъ, что въ этомъ году, неизвѣстно съ какой цѣлью, приходилъ на Русь изъ орды «по

95) П. С. Р. Л. IV, 48; V, 206; VII, 187.

солъ лютъ», именемъ Кочка. Около Костромы онъ убилъ 120 человѣкъ русскихъ; потомъ пограбилъ Ростовъ, разграбилъ Успенскую церковь, пожегъ монастыри и окрестныя села и ушелъ обратно въ орду [96]).

Но кто же сидѣлъ въ это время въ Ростовѣ? Кромѣ дѣтей Василія Константиновича, былъ еще въ живыхъ двоюродный братъ ихъ, Юрій Александровичъ, князь Угличскій. По нѣкоторымъ основаніямъ можно думать, что послѣ Василія Константиновича Ростовъ занималъ именно Юрій. Во 1-хъ, онъ былъ сынъ старшаго брата. Если его отецъ и не сидѣлъ въ Ростовѣ, то это не мѣшало ему самому занять Ростовъ, послѣ двоюроднаго брата, такъ какъ Угличъ не составлялъ уже совершенно обособленнаго княжества, какъ Ярославское и Бѣлозерское, а входилъ въ составъ Ростовской волости, какъ часть ея, хотя и представлялъ изъ себя отдѣльное удѣльное княжество. Такимъ образомъ, чтобы занять Ростовъ, Угличскому князю нужно было только обладать старшинствомъ по отношенію къ другимъ родичамъ, а въ такомъ положеніи и былъ Юрій Александровичъ. Во 2-хъ, говоря о смерти Юрія, всѣ лѣтописи единогласно называютъ его княземъ Ростовскимъ, а не Угличскимъ.

О Юріи Александровичѣ до насъ дошло весьма мало извѣстій. Знаемъ, что онъ былъ единственный сынъ Александра Константиновича Угличскаго [97]), и что онъ умеръ въ 1320 г., не оставивъ потомства [98]).

При преемникахъ Юрія Александровича, дѣтяхъ Василія Константиновича, Ростовское княжество раздѣлилось на двѣ

---

96) Ibid. I, 229; V, 207; VII, 188; Ник. III, 115 называетъ Конча; продолж. Нест. 62.

97) О томъ, почему мы считаемъ Александра *Константиновичемъ*, а не *Дмитріевичемъ*, см. прим. 79.

98) П. С. Р. Л. I, 229; IV, 49; V, 216; VII, 198; Ник. III, 125. онъ умеръ 30 мая. См. Кар. IV, прим. 280. Александръ Константиновичъ женился въ 1302 году. Послѣ этого года князь этотъ въ лѣтописяхъ болѣе не упоминается, можетъ быть, потому, что вскорѣ послѣ того скончался, во всякомъ случаѣ прежде отца, по смерти котораго († 1307), какъ сказано въ лѣтописяхъ Никон.), сѣлъ въ Ростовѣ сынъ его Василій. Юрій Александровичъ умеръ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ; едва ли онъ былъ даже женатъ; если онъ родился даже и въ первый годъ брака его отца, то въ 1320 году ему было только лѣтъ 17—18.

половины и при томъ такъ, что главный центръ княжества—Ростовъ остался не въ однихъ рукахъ. По числу сыновей Василія, онъ раздѣлился на двѣ половины, между которыми раздѣлены были, конечно, и всѣ остальныя земли съ ихъ селеніями, составлявшія прежде собственно Ростовское княжество. Распредѣленіе этихъ земель и селеній должно опредѣляться тѣми владѣніями, которыя были за потомками старшаго сына Василія Константиновича, князьями: Голенипыми, Щепипыми, Пріимковыми и проч. и потомками младшаго сына, князьями: Яновыми, Пужбольскими, Бычковыми—Бритыми и пр.

Мы не знаемъ, когда дѣти Василія Константиновича подѣлили между собою свою отчину; знаемъ только, по родословнымъ, что старшій, князь Ѳеодоръ, взялъ себѣ Срѣтенскую (Устрѣтенскую) сторону Ростова, а младшій, Константинъ—Борисоглѣбскую [99] а). Дѣти и внуки ихъ владѣли въ извѣстномъ порядкѣ, по старшинству, каждый своимъ отчиннымъ достояніемъ, а остальные родичи должны были довольствоваться весьма мелкими надѣлами, получая иногда отъ нихъ свои прозвища, а иногда и сами давая имъ названія отъ своихъ прозвищъ. Съ размноженіемъ рода и дальнѣйшимъ дробленіемъ волости, потомки Василія Константиновича должны были представлять изъ себя самыхъ мелкихъ вотчинниковъ, мелкихъ помѣщиковъ нашего времени, а потому по необходимости должны были уходить на службу къ другимъ князьямъ не только великимъ, но и удѣльнымъ, сильнымъ матеріально. Всѣ они, однако, до извѣстнаго времени должны считаться удѣльными князьями съ правами владѣтельныхъ, хотя этихъ послѣднихъ внѣшнимъ образомъ, конечно, не могли проявлять, по бѣдности и мелкости своихъ владѣній.

Итакъ съ дѣтей Василія Константиновича прежде единоцѣлое Ростовское княжество раздѣляется на двѣ части, которыя, въ свою очередь, дробятся на болѣе мелкіе участки. Слѣдуя этому дѣленію, мы каждую половичу Ростовскаго княжества будемъ разсматривать въ отдѣльности.

А. *Князья Ростовскіе старшей линіи.*

Ѳеодоръ Васильевичъ.

1320—1331.г.

Лѣтописныя извѣстія о Ѳеодорѣ Васильевичѣ весьма скуд-

---

99) П. С. Р. Л. I, 229; III, 72; IV, 49; V, 216; V, 198; XV, 414; Ник. III, 127; Карамз. IV, 122.

ны, и начинаются они только съ 1326 года. Впрочемъ, были событія ранѣе 1326 года, по источникамъ нелѣтописнаго характера, которыя близко касались Ростова, но въ нихъназванный Ростовскій князь, однако, не играетъ выдающейся роли. Въ 1322 г., во время борьбы Московскаго и Тверскаго князей за великокняжеское достоинство, Иванъ Даниловичъ пришелъ изъ орды съ ханскимъ посломъ Ахмыломъ, который, вмѣсто того, чтобы выполнить свою миссію—ввести благоустройство въ областяхъ великаго княженія—велъ себя какъ разбойникъ: истреблялъ людей, взялъ Ярославль и, вообще, «много покости чини по Низовской земли». Исполнивъ такимъ страннымъ образомъ ханское порученіе, Ахмылъ ушелъ въ орду, чтобы дать отчетъ въ своемъ посольствѣ [99] б). Такъ передается это событіе въ лѣтописяхъ. Но по другимъ источникамъ, какъ мы сказали, нелѣтописнаго характера, этотъ эпизодъ нѣсколько расширяется. Взявъ и предавъ огню Ярославль, Ахмылъ, по помянутымъ источникамъ, хотѣлъ поступить точно такъ же и съ Ростовомъ: Ростовскій владыка Прохоръ и Ростовскіе князья бѣжали изъ города, и только благодаря находчивости Игнатія, правнука св. Петра, царевича ордынскаго [100], Ростовъ не испыталъ на себѣ гнѣва ханскаго посла. По совѣту Игнатія, епископъ Прохоръ возвратился въ Ростовъ и встрѣтилъ Ахмыла съ крестнымъ ходомъ, а Игнатій, сопровождаемый гражданами, поднесъ послу «тѣшь царскую: кречетовъ, соколовъ, шубы и пр.» и предложилъ угощеніе. Ахмылъ укротился; въ это же время до него дошла вѣсть, что оставшійся въ Ярославлѣ сынъ его заболѣлъ глазами; узнавъ объ этомъ, посолъ приказалъ привезти сына въ Ростовъ, гдѣ епископъ Прохоръ исцѣлилъ его. Ахмылъ прославилъ Бога и блаженнаго святителя; хвалилъ и благодарилъ Игнатія— «цареву кость, татарское племя», одарилъ владыку и клиръ его и съ торжествомъ отправился въ орду [101]).

---

100) Прологъ и Ч.—Минеи іюня 29.

101) Разсказано въ нѣкоторыхъ редакціяхъ житія св. Петра, ордынскаго царевича. См. «О избавленіи Ростова отъ разграбленія татарскаго хана (?) Ахмыла» *С. С.* (въ Яросл. Губ. Вѣд. 1843 № 34); «Лѣтописный обзоръ достопр. событій Ростовской области» (въ Яросл. Епарх. Вѣд. 1868 г. № 25), гдѣ указывается, между прочимъ, на рукоп. житіе Петра, царевича ордынскаго «Блаженный Петръ, Ордынскій царевичъ, Ростовскій чудотворецъ.» (Ibid. 1875 г. №№ 39—40); «Церковь всѣхъ святыхъ въ Ростовѣ (Яросл. губ.) и попъ Георгій Скрынница» (Ibid. 1883 № 19. Въ этой статьѣ указанъ родъ св. Петра).

Собственно лѣтописныя извѣстія о Ѳеодорѣ Васильевичѣ ограничиваются только передачей двухъ фактовъ изъ его жизни. Именно по лѣтописямъ, онъ въ 1326 г. женился, но неизвѣстно на комъ [102]); и затѣмъ отмѣчено время его кончины— 28 марта 1331 года [103]). Князь Ѳеодоръ Васильевичъ Ростовскій оставилъ единственнаго сына Андрея.

При этомъ князѣ Ростовъ, можно сказать, былъ въ полномъ распоряженіи Московскаго великаго князя. Въ повѣсти о преп. Сергіи, помѣщенной въ IV томѣ Никон. лѣтописи подъ 1392 г. состояніе Ростова изображается очень мрачными красками. «Наста, говорится тамъ, насилованіе много, сирѣчь княжение великое московское досталось князю великому Івану Даниловичю, купно же досталось и княжение Ростовское к Москвѣ. Увы, увы тогда граду Ростову, паче же і княземъ ихъ, яко отъялся отъ нихъ власть и княжение, і имение, и честь, и слава и вся прочая. И потегну к Москве его, а изыде повеление великого князя Івана Даниловича, и посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ аки некій воевода единъ отъ велможъ именемъ Василей, прозвище Кочева и с нимъ Миняі. Внегда внидоста во градъ Ростовъ, тогда возложиста велику нужу на градъ». Намѣстники грабили и нещадно истязали жителей. Эту мрачную картину повѣсть заканчиваетъ такъ: «И что подобаетъ много глаголати! толико дерзновенна надъ Ростовомъ содѣяша, яко и самого того епарха градскаго, старѣишаго боярина ростовскаго, именемъ Аверкия, стремглавъ обѣсиша і возложиша на ня руце свои, и оставиша поругана точию жива, и бысть страхъ великъ на всѣхъ слышащихъ. Сия не токмо во граде Ростове, но и во всѣхъ предѣлехъ его і во властехъ, і в сѣлѣхъ».

Говоря о Юріи Александровичѣ, мы упоминали о томъ, что дѣти князя Василія Константиновича Ростовскаго подѣлили между собою отчину по-поламъ, замѣтивъ при этомъ, что до насъ не дошло лѣтописныхъ извѣстій о времени этого дѣлежа.

---

102) П. С. Р. Л. I, 229. Кажется, о пострижении жены Ѳеодора Васильевича говорится въ той же лѣтописи: «Въ той же день (21 ноября 6863 г.) постриженся княгини Марья Ѳедорова». По крайней мѣрѣ, родословная Ростовскихъ князей, приложенная къ 1-му тому труда А. А. Титова «Ростовскій уѣздъ», приводитъ это свѣдѣніе.

103) Ibid. I, 230; III, 131; IV, 52; VII, 202 (подъ 6838 годомъ); Ник. III, 157.

Здѣсь считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что, по нѣкоторымъ родословнымъ, дѣлежъ этотъ былъ произведенъ въ 1328 г., [104]).

Андрей Ѳеодоровичъ.

1331†1409 г.

Сравнительно съ продолжительностью жизни Андрея Ѳеодоровича, лѣтописи очень мало даютъ о немъ свѣдѣній. Въ первый разъ онѣ упоминаютъ объ этомъ князѣ по случаю женитьбы его въ 1347 году [105]). Между тѣмъ какъ о дѣятельности дяди Андрея Ѳеодоровича, Константина Васильевича владѣтеля Борисоглѣбской стороны Ростова неоднократно говорится въ лѣтописяхъ (въ 1340 г. этотъ князь идетъ съ Товлубіемъ на Смоленскъ; въ 1342 г.—на поклонъ къ новому хану; въ 1348 г.—на помощь новгородцамъ противъ шведовъ),—объ Андреѣ Ѳеодоровичѣ напротивъ въ лѣтописяхъ ничего не говорится за этотъ періодъ времени и далѣе, въ продолженіе болѣе, чѣмъ десяти лѣтъ.

Какъ уже было замѣчено, отецъ Андрея и дядя его Константинъ подѣлили между собою Ростовскую отчину по-поламъ. Однако въ 1360 году [106]) Константинъ, пользуясь, вѣроятно, происходившей тогда во Владиміро-суздальской области борьбою Московскаго и Суздальскаго князей за великокняжеское достоинство, выхлопоталъ въ ордѣ ярлыкъ на *все* княженіе Ростовское. Нѣкоторое время племянникъ, какъ видно, молчалъ. Но подъ 1362 годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстіе о томъ, что между Ростовскими князьями произошло «нелюбье» очевидно, изъ-за захвата дядею всей отчины. Андрей Ѳеодоровичъ рѣшился, какъ видно, хлопотать о своихъ отчинныхъ правахъ и добиваться ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Подъ 1363 годомъ мы встрѣчаемъ извѣстіе о пребываніи кн. Андрея въ Переяславлѣ, откуда онъ пошелъ въ Ростовъ, вмѣстѣ съ кн. Иваномъ Ржевскимъ и большимъ войскомъ. Ржевскіе, какъ извѣстно, служили Московскимъ князьямъ, а потому можно предполагать съ достовѣрностью, что съ кн. Иваномъ шла также и Московская рать на помощь Андрею Ѳеодоровичу противъ

---

104) Родословная «Временника», стр. 38.
105) П. С. Р. Л. I, 230.
106) Никон. III, 216.

дяди его, Константина. Подъ тѣмъ же 1363 годомъ въ лѣтописяхъ есть извѣстіе о томъ, что Дмитрій Ивановичъ Московскій, «вземъ волю свою» надъ Дмитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ и взялъ таковую же и надъ Константиномъ Ростовскимъ. Въ то же время изгнаны были изъ своихъ удѣловъ князья Стародубскій и Галицкій, которые уѣхали въ Нижній-Новгородъ къ Дмитрію Константиновичу. Константинъ же Ростовскій въ 1364 году уѣхалъ въ Устюгъ [107]).

Очевидно, Константинъ Васильевичъ былъ неугоденъ Москвѣ, конечно, потому, что не хотѣлъ подчиниться ей, не хотѣлъ быть подъ рукой в. кн. Московскаго, и его мѣсто занялъ племянникъ его князь Андрей, не выходившій изъ воли Московскаго князя. Послѣднее подтверждается и послѣдующими событіями, указывающими на отношенія кн. Андрея Ѳеодоровича къ великому князю Московскому. Такъ, въ 1371 г., когда Михаилъ Александровичъ Тверской пришелъ изъ орды съ ярлыкомъ на великое княженіе, Дмитрій Ивановичъ Московскій, не пустивъ его во Владиміръ, самъ 15 іюня отправился въ орду вмѣстѣ съ Андреемъ Ѳеодоровичемъ Ростовскимъ [108]). Черезъ четыре года послѣ того (1375 г.) Андрей, вмѣстѣ съ двоюродными братьями—Константиновичами принималъ участіе въ походѣ Дмитрія Ивановича на Тверь [109]). Есть извѣстія, что онъ участвовалъ и въ Куликовской битвѣ 1380 г., находясь вмѣстѣ съ одноименнымъ ему княземъ Стародубскимъ на правомъ крылѣ [110]).

Послѣ Куликовской битвы лѣтописи не упоминаютъ объ Андреѣ Ѳеодоровичѣ до 1408 года. Въ этомъ году подъ Москву пришелъ Едигей и распустилъ отряды свои по окреснымъ городамъ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ подошелъ къ Ростову; князь, епископъ и граждане бѣжали изъ города, а татары разграбили и сожгли его [111]).

---

107) П. С. Р. Л. I, 231; IV, 64; V, 229—230; XV, 428; Ник. IV, 5.

108) Ibid. VIII, 18; Ник. IV, 29.

109) Ibid. IV, 70; V 233; VIII, 22; XV, 435; Ник. IV, 42.

110) Карамзинъ V, 39.

111) П. С. Р. Л. V, 257; VIII, 83; XV, 483. Въ Троицкой лѣт. (I, 234) подъ этимъ годомъ говорится только, что Ростовъ погорѣлъ, а о приходѣ татаръ съ Едигеемъ говорится подъ 1409 годомъ, при чемъ замѣчено, что въ Ростовѣ и другихъ городахъ они учинили много зла.

Зимой слѣдующаго 1409 г. Андрей Ѳеодоровичъ скончался, принявъ иноческій санъ съ именемъ Аѳанасія [112]). У него отъ брака съ неизвѣстной было шесть сыновей: Иванъ, Ѳеодоръ, Юрій, Константинъ, Михаилъ и Борисъ [112] а).

Нами уже было указано выше, что съ Ивана Даниловича Ростовскіе князья, не теряя правъ князей владѣтельныхъ, были въ полномъ подчиненіи у Московскихъ князей. Самъ Иванъ Даниловичъ, а за нимъ и его преемники дѣлали примыслы въ Ростовскомъ княжествѣ: Калита купилъ тамъ село Богородицкое, которое впослѣдствіи Донской, по духовному завѣщанію, отдалъ сыну своему Юрію; Дмитрій Ивановичъ, по тому же завѣщанію, далъ сыну Василью, между прочимъ, и село Васильевское въ Ростовѣ; Василій Дмитріевичъ, по первому своему духовному завѣщанію, отказалъ супругѣ своей, между прочимъ, «примыслъ въ Ростовѣ», не названный по имени, а по второму духовному завѣщанію—вышепомянутое село—Васильевское [113]).

Эти примыслы Московскихъ князей, конечно, ослабляли матеріально Ростовское княжество, не тѣ, впрочемъ, незначительные примыслы, о которыхъ только что упомянуто, а, надобно полагать, болѣе крупные, свѣдѣнія о которыхъ до насъ не дошли. Если не предполагать этихъ послѣднихъ, то трудно себѣ представить,какимъ образомъ ближайшіе потомки Ѳеодора Васильевича дошли до того, что должны были продать свою часть владѣній Московскому князю. Правда, эту часть Ростовскаго княжества ослабляла еще раздробленность ея между потомками Ѳеодора Васильевича.—Положительныхъ извѣстій о времени продажи этой части Ростова великому князю до насъ

---

112) Ibid. I, 234: «Тое же зимы (6917 г.) преставися князь Ондрѣй Ѳедоровичь Ростовскій, нареченный въ мнишьскомъ чину Аѳонасей». *Головинъ* въ своей родословной росписи (№ 496) ставитъ при этомъ князѣ 1380 годъ, вѣроятно, смѣшивая его съ соименнымъ ему Стародубскимъ княземъ, участвововавшимъ въ Куликовской битвѣ и не встрѣчающимся въ лѣтописяхъ послѣ 1380 года. *П. Н. Петровъ* въ трудѣ своемъ «Исторія родовъ русскаго дворянства» считаетъ 1380 годъ за годъ смерти Андрея Ростовскаго, говоря, что князь этотъ палъ въ Куликовской битвѣ. (112 а) По родословной князей Ростовскихъ приложенной къ 1-му тому «Ростовскаго уѣзда» А. Титова, у него была еще дочь княжна Вѣра, бывшая за княземъ Иваномъ Владиміровичемъ *Бычкомъ* Ростовскимъ, родоначальникомъ князей Бычковыхъ—Ростовскихъ и Бычковыхъ.

113) Собраніе гос. грам. и догов. I, №№ 22, 34, 39, 41—42.

не дошло, хотя нѣкоторыя родословныя [114]) передаютъ, что продалъ эту часть старшій сынъ Андрея Ѳеодоровича, Иванъ (в. кн. Василію Дмитріевичу. Положительно, изъ оффиціальнаго документа, извѣстно только, что в. кн. Василій Васильевичъ (Темный) распоряжался Ростовомъ, какъ своей собственностью «А княгинѣ своей, говоритъ этотъ князь въ своемъ духовномъ завѣщаніи [115]), даю Ростовъ и со всѣмъ, что къ нему потягло и съ селы своими, до ее живота». Не весь, впрочемъ, Ростовъ былъ въ рукахъ великаго князя: нѣчто оставалось, конечно по условію съ великимъ княземъ, и за Ростовскими князьями. Изъ словъ, упоминаемыхъ вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ въ его завѣщаніи: «а князья Ростовскіе, что вѣдали при мнѣ, при великомъ князѣ, ини по тому держатъ и при моей княгини, а княгини моя у нихъ въ то не вступается», надобно полагать, что покупку указанной части Ростова совершилъ не Василій Дмитріевичъ, который, въ случаѣ купли, сдѣлалъ бы относительно ея распоряженіе въ своемъ духовномъ завѣщаніи (между тѣмъ какъ въ немъ упоминается одно только село—Васильевское,) а сынъ его Василій Васильевичъ. Если такъ, то фактъ этотъ совершился уже послѣ 1425 года [116]).

Дѣти князя Андрея Ѳеодоровича, слѣдовательно, а можетъ быть и внуки, были еще владѣтельными князьями. Сообщимъ о нихъ то, что было возможно намъ собрать въ предѣлахъ тѣхъ источниковъ, которыми мы пользовались.

1. *Иванъ Андреевичъ* (XIV—XV в.) извѣстенъ намъ только по родословнымъ, которыя говорятъ, что онъ продалъ свою часть Ростова Василію Дмитріевичу. Онъ имѣлъ двухъ сыновей: Юрія, по прозванію *Ньмаю*, потомство котораго пресѣклось на единственномъ сынѣ его Семенѣ, умершемъ бездѣтнымъ, и Ѳеодора, по прозванію *Голеню*, родоначальника угасшихъ князей *Голенинихъ-Ростовскихъ*. Правнуки Ивана Анд-

---

114) «Росс. родосл. кн.» *Долгорукова*, I, 208.

115) Собр. госуд. грам. и догов. I, № 86.

116) Очень можетъ быть, что Иванъ Андреевичъ продалъ свою часть Ростовскаго княжества Василію Дмитріевичу. Въ такомъ случаѣ *слѣдуетъ предполагать, что существовали какія-нибудь условія между продавцемъ и покупщикомъ, вслѣдствіе которыхъ послѣдній не могъ еще вполнѣ свободно распоряжаться запроданною ему частью Ростова, почему и не говоритъ ничего объ* этомъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи.

реевича, дѣти Андрея Ѳеодоровича, служили у кн. Волоцкаго Ѳеодора Борисовича, а старшій правнукъ (сынъ старшаго внука Ивана) Василій Ивановичъ, служилъ при в. кн. Иванѣ III Васильевичѣ, по повелѣнію котораго, между прочимъ, отмежовывалъ города: Дмитровъ, Рузу и Звенигородъ, которые Иванъ III пожаловалъ сыну своему Юрію [117]). Родъ Голениныхъ пресѣкся на праправнукахъ Ивана Андреевича, дѣтяхъ упомянутаго выше князя Василія Ивановича.

2. *Ѳеодоръ Андреевичъ*, извѣстный намъ также только по родословнымъ, имѣлъ пятерыхъ сыновей: Александра, прозваніемъ *Щепу* (1410—1434), который былъ женатъ на дочери Дмитрія Константиновича Зернова, правнукѣ Мурзы Четы, двоюродной сестрѣ Ивана Ивановича Годуна, родоначальника Годуновыхъ [118]); Ивана большаго, умершаго бездѣтнымъ; Русана, который въ другихъ родословныхъ называется Ѳеодоромъ—Русаномъ; Дмитрія, прозваніемъ *Пріимка*, и Ивана меньшаго, умершаго, какъ и большой Иванъ, бездѣтнымъ. Изъ нихъ первый былъ родоначальникомъ князей *Щепиныхъ-Ростовскихъ*, а четвертый—родоначальникомъ угасшихъ князей: *Пріимковыхъ-Ростовскихъ*, *Гвоздевыхъ-Ростовскихъ* и *Бахтеяровыхъ-Ростовскихъ* [119]).

---

117) Родословная «Временника», стр. 38, собраніе госуд. грам. и догов. I, № 141.

118) Если Иванъ Андреевичъ продалъ свою часть Ростова Василію Дмитріевичу, то, само собою разумѣется, дѣти его и племянники уже не были удѣльными, почему біографій ихъ мы и не помѣщаемъ. Между тѣмъ, М. Д. Хмыровъ, хотя и отмѣчаетъ, что Иванъ Андреевичъ продалъ свою часть Ростова, тѣмъ не менѣе помѣщаетъ въ своемъ перечнѣ біографію племянника его, Александра Ѳеодоровича *Щепы*, котораго онъ считаетъ еще удѣльнымъ; біографіи же брата Александра, Ивана Ѳеодоровича онъ не помѣщаетъ въ «Перечнѣ».

119) См. общеизвѣстныя родословныя. По нѣкоторымъ родословнымъ Александръ Ѳеодоровичъ былъ женатъ дважды, указываемый нами бракъ былъ вторымъ; въ первомъ же бракѣ, по Щербатову (томъ IV), за нимъ была, съ 17 января 1412 г., княжна N Ивановна Ярославская. См. родословную князей Ростовскихъ, приложенную къ труду *А. Титова:* «Ростовскій уѣздъ». Эта родословная насчитываетъ у Ѳеодора Андреевича не пятерыхъ, а шестерыхъ сыновей, дѣлая изъ Ѳеодора—Русана два отдѣльныхъ лица. По той же родословной у Ѳеодора Андреевича, кромѣ сыновей, была еще дочь княжна, бывшая за кн. Дмитріемъ Ивановичемъ Бритымъ—Ростовскимъ.

3. *Юрій Андреевичъ* (1397†1413). Въ лѣтописяхъ находимъ только два извѣстія, касающихся этого князя. Первый эпизодъ относится къ 1396 году, когда Василій Дмитріевичъ, совмѣстно съ Витовтомъ, потребовалъ отъ новгородцевъ, въ 1396 г., разрыва дружбы съ нѣмцами. На требованіе названныхъ князей новгородцы категорически заявили, что они не желаютъ разрыва съ нѣмцами. Великій князь, въ виду упорства новгородцевъ, въ слѣдующемъ 1397 году послалъ въ Двинскую землю сильную рать [120]). Походъ этотъ былъ неудаченъ: новгородцы взяли верхъ и, между прочимъ, захватили одного изъ новгородскихъ измѣнниковъ, Анфала, которому, однако, удалось бѣжать съ дороги опять въ Двинскую землю. За нимъ погнался новгородскій воевода Яковъ Прокофьевъ съ 700 человѣкъ. Между тѣмъ какъ новгородцы уже примирились съ великимъ княземъ, Прокофьевъ подошелъ къ Устюгу, гдѣ въ то время былъ Ростовскій владыка Григорій съ кн. Юріемъ Андреевичемъ. Получивъ на свой спросъ, стоятъ ли владыка, князь и граждане за Анфала отрицательный отвѣтъ, Яковъ Прокофьевъ, оставивъ Устюгъ въ покоѣ, продолжалъ преслѣдовать Анфала, къ которому, въ противность своимъ недавнимъ завѣреніямъ, въ то время пришли на помощь устюжане [121]).

Затѣмъ лѣтописи отмѣчаютъ еще только годъ смерти Юрія Андреевича, именно 1413 г. Поименованный князь умеръ безпотомственно, принявъ передъ кончиною иноческій образъ съ именемъ Герасима [122]).

4. *Константинъ Андреевичъ* (†1407). Всѣ свѣдѣнія объ этомъ князѣ, находящіяся въ лѣтописяхъ, сводятся лишь къ тому, что онъ скончался въ 1407 г. апрѣля 27, постригшись въ иноки съ именемъ Кассіана [123]). Потомства у него не осталось.

5 и 6. *Михаилъ и Борисъ Андреевичи* (XIV—XV ст.) извѣстны намъ только по родословнымъ, въ которыхъ потомства отъ нихъ не показано.

---

120) П. С. Р. Л. III, 98; IV, 102; V, 250; VI, 129; VIII, 70; Ник. III, 272, относитъ все къ 1398 г., какъ году, въ которомъ закончился весь этотъ эпизодъ.

121) Ibid. IV, 103 (подъ 6907), 141 (подъ 6906 г.); V, 251 и VI, 130 (подъ 6907); Ник. IV, 277 (подъ 6906).

122) Ibid. I, 234.

123) Ibid. Не знаемъ, на какомъ основаніи родословная, приложенная къ труду Титова, считаетъ годомъ смерти Константина 1397 годъ (день смерти же тотъ же—27 апрѣля).

Б. Князья Ростовскіе младшей линіи рода Василія Константиновича.

Константинъ Васильевичъ.

1312+1365 г.

Имя Константина Васильевича, младшаго изъ двухъ сыновей Василія Константиновича, въ первый разъ встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1328 годомъ: въ этомъ году этотъ князь женился на Маріи дочери Ивана Даниловича Калиты [124]).

Подобныя родственныя связи, какъ извѣстно, Калита завязывалъ, кажется, не безъ политическихъ расчетовъ: посредствомъ ихъ онъ надѣялся имѣть вліяніе на тѣхъ князей, съ которыми роднился. И дѣйствительно, со времени вступленія въ родство съ Ростовскимъ княжескимъ домомъ, мы видимъ, что какъ Константиномъ, такъ и Ростовомъ Московскіе князья распоряжаются вполнѣ. Мы уже говорили выше о томъ, что Иванъ Даниловичъ, вскорѣ послѣ того, какъ сдѣлался великимъ княземъ, послалъ въ Ростовъ, въ качествѣ своего намѣстника, боярина Василія Кочеву, который распоряжался тамъ, какъ полновластный господинъ. Другихъ князей,—не только удѣльныхъ, но и великихъ,—Иванъ Даниловичъ то же старался, такъ сказать, прибрать къ своимъ рукамъ, не рѣдко при посредствѣ орды. Такъ, въ 1339 году, «по его думѣ» позваны были въ

---

124) П. С. Р. Л. I, 230; VII, 201, а въ IV, 51 и V, 218 подъ тѣмъ же годомъ, конечно, по ошибкѣ сказано: «Преставися (вм. «оженися») князь Костянтинъ Ростовскій». За нимъ была Марія, а не Ѳеотинія, какъ полагаетъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, *М. Д. Хмыровъ* (№ 472). По крайней мѣрѣ, въ Троицкой лѣтописи (т. I, 231) подъ 6873 годомъ мы читаемъ: «въ той же день (іюня 2-го) преставися княгини Марья Костянтинова (т. е. жена Константина) Ростовскаго». Графъ *М. Толстой* («Святыни и древности Ростова Великаго» изд. 3, стр. 23) называетъ супругу Константина Евдокіей (которая, напротивъ, была за Василіемъ Грознымъ, кн. Ярославскимъ), кажется, потому, что невѣрно понялъ извѣстіе Никон. лѣтописи (IV, 8) подъ 1365 годомъ. Въ этомъ извѣстіи говорится при упоминаніи о смерти кн. Константина съ женой и дѣтьми, митр. Петра, вел. княг. Анастасіи, жены князя Александра Михайловича Тверскаго, добавлено: «та же Авдотья Костянтиновна»; послѣднее слово надобно читать «Костянтинова», т. е. жена Константина, но Константина Михайловича Тверскаго, супруга котораго дѣйствительно тогда умерла.

орду Василій Грозный кн. Ярославскій, и вел. кн. Тверской Александръ. О Ростовскихъ князьяхъ въ этомъ эпизодѣ въ лѣтописи не говорится ничего, и надобно полагать—потому, что они, ослабленные дробленіемъ своей отчины и домашними раздорами, не могли уже оказывать сопротивленія сильному князю Московскому, и были въ совершенномъ подчиненіи у послѣдняго. Такъ, въ 1340 г., когда татары, во главѣ съ Товлубіемъ, шли чрезъ Рязанскую землю наказать за что-то Смоленскихъ князей, Иванъ Даниловичъ, по приказанію хана, долженъ былъ послать на помощь Товлубію свои войска. Въ числѣ другихъ князей онъ послалъ и Константина Васильевича Ростовскаго [125]). Далѣе, по смерти Ивана Калиты, когда Симеонъ Гордый хотѣлъ наказать новгородцевъ, въ томъ же 1340 г., то призвалъ въ Москву, для участія въ этомъ походѣ, князей: Суздальскаго, Ярославскаго, а также и Константина Ростовскаго [126]).

Года черезъ два послѣ этого похода (въ 1342 г.) Константинъ Васильевичъ, какъ и другіе князья, ѣздилъ въ орду на поклонъ къ новому хану Чанибеку [127]).

Затѣмъ лѣтописи не передаютъ никакихъ извѣстій о Константинѣ Васильевичѣ въ продолженіи шести лѣтъ, т. е. до 1348 г. (по другимъ—до 1347 г.). Въ упомянутомъ году шведы стали угрожать войной новгородцамъ; послѣдніе, не надѣясь на однѣ собственныя силы, обратились съ просьбой о помощи къ великому князю Симеону Гордому. Симеонъ самъ пошелъ-было въ Новгородъ, но съ дороги принужденъ былъ воротиться, такъ какъ ханъ чрезъ пословъ своихъ требовалъ его въ орду, и отправилъ въ Новгородъ брата своего Ивана вмѣстѣ съ княземъ Константиномъ Ростовскимъ [128]).

---

125) Ibid. IV, 55; VII, 206; Ник. III, 171. Въ двухъ послѣднихъ Константинъ, по ошибкѣ, конечно, названъ Борисовичемъ.

126) Ник. III, 173. Князья дошли до Торжка, куда явились новгородскіе послы—посадникъ Яковъ и тысяцкій Абрамъ—и докончали миръ „на всей, говоритъ лѣтопись, воли новгородцкой". Эта воля новгородцевъ выразилась въ томъ, что они должны были согласиться на требованіе великаго князя—давать ему, такъ называемый, черный боръ, а новоторжцы должны были,—за обиду, причиненную великокняжескимъ сборщикамъ дани,—уплатить великому князю пеню въ 1000 рублей.

127) Ник. III, 179.

128) Ник. III, 189. Здѣсь опять Константинъ названъ, по ошибкѣ, Борисовичемъ.

Послѣ этого похода, въ продолженіе 11 лѣтъ, лѣтописи опять ничего не говорятъ о Константинѣ Васильевичѣ. Только со времени кончины великаго князя Ивана II Ивановича, оставившаго двухъ малолѣтнихъ сыновей, когда для сѣверо-восточной Руси наступила смутная година, имя Константина Ростовскаго снова появляется у лѣтописцевъ. У наслѣдника Ивана Ивановича, Дмитрія (впослѣдствіи Донскаго), великокняжеское достоинство сталъ оспаривать князь Суздальскій Дмитрій Константиновичъ. Удѣльные князья, испытавшіе на себѣ гнетъ Московскихъ князей, подняли головы: они старалисъ освободиться отъ опеки Москвы, и въ спорахъ и раздорахъ Московскаго и Суздалъскаго князей ихъ сочувствіе было на сторонѣ послѣдняго. Пользуясь этими раздорами, они ѣздили въ орду, гдѣ старались получше устроить свои дѣла и успѣвали въ этомъ, хотя въ ордѣ происходили тогда кровавые смуты и перевороты. Константинъ Ростовскій не отставалъ отъ другихъ: въ 1360 году онъ выхлопоталъ въ ордѣ ярлыкъ на *все* княженіе Ростовское [129]), а слѣдовательно и на изгнаніе изъ Ростова племянника своего кн. Андрея Ѳеодоровича, владѣвшаго Срѣтенскою стороною.

Въ томъ же году, зимой, въ орду явились съ жалобой Жукотинскіе князья на разбой новгородцевъ, или—лучше сказать, новгородскихъ удальцовъ—ушкуйниковъ, которые ограбили и побили въ Жукотинѣ множество татаръ. Хидырь, бывшій въ это время ханомъ, прислалъ троихъ пословъ къ русскимъ князьямъ съ требованіемъ, чтобы разбойники были доставлены въ орду. Князья, въ числѣ которыхъ былъ и Константинъ Ростовскій, съѣхались въ Костромѣ и послѣ совѣщаній рѣшили исполнить волю хана [130]). Въ слѣдующемъ 1361 году князья опять ѣздили въ орду, гдѣ происходила тогда страшная «замятня». Дмитрій Ивановичъ Московскій прибылъ въ орду раньше другихъ князей, раньше и выѣхалъ оттуда, еще до замятни; прочіе же князья: Андрей и Дмитрій Константиновичи, Михаилъ Ярославскій и Константинъ Ростовскій были свидѣтелями убіенія Хидыря; естественно, что при такой сумятицѣ русскіе князья не могли считать себя въ безопасности и спѣшили удалиться изъ орды. Но не всѣ счастливо выбрались оттуда: есть извѣстіе, что татары тогда «ограбиша князей Ро-

---

129) Ibid. 216—217.
130) П. С. Р. Л. IV, 64; VIII, 11, Ник. III, 216.

стовскихъ въ ордѣ и пустиша ихъ нагихъ» [131]). Лѣтописи не говорятъ, съ какою цѣлію князья ѣздили въ орду, но, судя по всему, что происходило въ это время въ княжествахъ и по послѣдующимъ событіямъ, кажется, они ѣздили для рѣшенія своихъ домашнихъ споровъ и счетовъ.

Въ 1362 г. между Ростовскими князьями, Константиномъ и Андреемъ, «сътворися нелюбье», которое, кажется, объясняется тѣмъ, что Константинъ выхлопоталъ въ ордѣ ярлыкъ на *все* Ростовское княженіе. Другимъ чѣмъ нибудь весьма трудно объяснить событія въ Ростовѣ послѣдующихъ ближайшихъ годовъ. Въ 1363 г., какъ мы видѣли, кн. Андрей Ростовскій былъ въ Переяславлѣ, гдѣ онъ, какъ кажется, искалъ помощи противъ дяди. Отсюда Андрею сопутствовалъ въ Ростовъ кн. Иванъ Ржевскій «съ силою великою» [132]). Ржевскіе, какъ извѣстно, служили Московскимъ князьямъ, слѣдовательно и «великая сила», шедшая съ кн. Ржевскимъ, была силою Московскою, данною Андрею въ помощь противъ его дяди. Затѣмъ, подъ 1364 г. встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстіе объ отъѣздѣ Константина въ Устюгъ. Очевидно, племянникъ, поддерживаемый Москвой, взялъ верхъ надъ дядей. Москва, какъ извѣстно, не благоволила къ Константину; подъ 1363 г. есть, между прочимъ, извѣстіе въ Ник. лѣтописи, что великій князь, взявъ «волю свою» надъ Дмитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ, таковую же взялъ и надъ Константиномъ Ростовскимъ. Всѣ эти неблагопріятныя для Константина обстоятельства, заставили его уѣхать подальше отъ главнаго центра событій, не быть на виду у своихъ враговъ, чтобы не накликать на свою голову еще горшихъ непріятностей. Иначе, нельзя объяснить отъѣзда его въ Устюгъ.

---

131) Ibid. I, 231; IV, 64; V, 229; VIII, 11; XV, 428, гдѣ говорится объ ограбленіи Ростовскихъ князей, а Ник. III, 218, напротивъ, говоритъ, что Ростовскіе князья «грабленія избежаша». Очевидно, здѣсь ошибка. Если бы всѣ князья, кромѣ Ростовскихъ, были ограблены, тогда естественно было бы лѣтописцу отмѣтить такой фактъ, какъ исключительный. Но этого не было, и лѣтописцу не за чѣмъ было отмѣчать, что Ростовскіе князья избѣжали грабленія; очевидно, лѣтописецъ хотѣлъ отмѣтить, напротивъ, какъ исключительный случай, что Ростовскіе князья были ограблены.

132) Ibid. I, 231; IV, 64; V, 229—230; XV, 428. А «Указатель къ П. С. Р. Л.» извѣстіе I, 231 относитъ къ Андрею Константиновичу Суздальскому. Эту ошибку повторилъ по Указателю и М. Д. Хмыровъ (№ 328).

Въ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій о томъ, возвратился ли Константинъ изъ Устюга въ Ростовъ и когда именно. Извѣстно только, что Константинъ скончался отъ моровой язвы, свирѣпствовавшей въ 1365 г. въ Твери и Ростовѣ, и погребенъ въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ [183]).

Какъ выше уже замѣчено было, Константинъ Васильевичъ былъ женатъ на Маріи, дочери Ивана Калиты, умершей въ одинъ годъ съ мужемъ. Отъ этого брака у Константина были дѣти: Иванъ, Глѣбъ, Василій, Александръ, Владиміръ и дочь, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, княжна Агаѳія, бывшая второю супругою Любарта Гедиминовича, во св. крещеніи Василія князя Волынскаго [184]).

---

133) Ник. IV, 8—9.

134) Въ Ник. III, 192 сказано, что Любартъ просилъ у Симеона Ивановича руки «сестричныя его, дщери князя Константина *Борисовича* (читай *Васильевича*) Ростовскаго». Въ Воскр. лѣт. (т. VII, 215)—то же самое, только Константинъ не названъ по отчеству...М. Д. Хмыровъ называетъ эту дочь Константина Агаѳіей и говоритъ, что лѣтопись упоминаетъ ее однажды, отмѣчая годъ ея замужества. Но мы нигдѣ въ лѣтописяхъ не находимъ, чтобы она названа была по имени. Стриковскій называетъ супругу Любарта Аганіей, и наши позднѣйшія родословныя взяли имя Константиновой дочери, конечно, отсюда. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Стриковскій называетъ отца Агапіи Владиміромъ, княземъ Владимірскимъ (см. Кар. IV, пр. 267).—По приложенной къ труду Титова «Ростовскій уѣздъ» родословной у Константина были еще двѣ дочери: Марія и Василисса. Изъ нихъ первая, по этой родословной, была за Андреемъ Ивановичемъ, кн. Боровскимъ, а вторая—за Дмитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ, и была матерью супруги Дмитрія Донскаго. Мы знаемъ, что Андрей Ивановичъ Боровскій дѣйствительно была женатъ на Маріи, но какого происхожденія была она, не знаемъ; при томъ, мы знаемъ за Андреемъ Ивановичемъ только одинъ бракъ, а родословная, приложенная къ труду Титова, бракъ Андрея Ивановича на Маріи считаетъ вторымъ.—Что касается Василиссы, то и другія родословныя, какъ Головина, называютъ этимъ именемъ жену Константина Дмитріевича. М. Д. Хмыровъ (№№ 24 и 41) говоритъ, что одни сказанія (которыхъ признаемся, мы не доискивались) называютъ жену Константина Дмитріевича Василиссой, другія же—Анной, и, во всякомъ случаѣ, въ монашествѣ Ириной. Дѣйствительно, въ Нижегородскомъ Архангельскомъ соборѣ похоронена какая то кн. Ирина. (См. *Храмцовскаго*: „Краткій очеркъ исторіи и описаніе Н.-Новгорода“, II, 49). Къ сожалѣнію, мѣстный историкъ не даетъ описанія гроб-

Василій Константиновичъ.

1365—1375.

О Василіи Константиновичѣ лѣтописи сохранили одно только извѣстіе, именно—объ участіи его въ походѣ в. кн. Дмитрія Ивановича на Тверь въ 1375 г. Никакихъ другихъ извѣстій объ этомъ князѣ ни въ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ не находимъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ, исключительно новѣйшія, или смѣшиваютъ этого князя съ младшимъ братомъ его, Владиміромъ, и, въ такомъ случаѣ, называютъ его двумя именами (Владиміръ-Василій), или же признаютъ только одного Василія, ничего не говоря о Владимірѣ, котораго старые родословцы считаютъ отдѣльно отъ Василія [135]).

ницъ и надписей на нихъ. Замѣтимъ еще, что въ Ник. лѣт. (IV, 185) помѣщено нѣчто въ родѣ похвальнаго слова Дмитрію Донскому: въ которомъ, между прочимъ, говорится „седми же на десять лѣтъ поятъ дщерь великаго князя Дмитрія Константиновича Суздальского и великая его княгини *Анны*, именемъ Евдокію"... Не были ли эти три имени жены Дмитрія Константиновича: одно мірскимъ, другое—монашескимъ, а третье—схимническимъ? Правда, до насъ не дошло извѣстій о томъ, чтобы жена Дмитрія Константиновича приняла схиму, но это могло быть, хотя лѣтописи и не упоминаютъ о томъ.

135) П. С. Р. Л. IV, 70; V, 233; VIII, 22; Родословныя Долгорукова и Головина. Считая Василія и Владиміра разными лицами, мы основываемся исключительно на старыхъ родословныхъ. У Василія, по родословнымъ, дѣтей не было, а у Владиміра было два сына, Константинъ и Иванъ, изъ которыхъ первый встрѣчается въ лѣтописяхъ съ отчествомъ *Владимировичъ*. —Относительно старшинства Александра передъ этимъ Василіемъ является нѣкоторое сомнѣніе: въ родословныхъ Александръ считается вообще 3-мъ, а Василій—4-ъ; въ лѣтописяхъ же, когда онѣ перечисляютъ князей, участвовавшихъ въ походѣ на Тверь, Александръ слѣдуетъ за Василіемъ, и тонъ лѣтописей какъ будто указываетъ на старшинство послѣдняго: «....и съ нимъ (великимъ княземъ): тесть его.....князь Андрей Оеодоровичъ ростовскій, князь Василей Костянтиновичь, братъ его». А одна родословная («Истор. повѣствіе» Щербатова) считаетъ его даже вторымъ и между Александромъ и Владиміромъ вставляетъ еще Арсенія владыку, такъ что братьевъ оказывается уже шесть: 1 Іоаннъ, 2 Василій, 3 Глѣбъ —всѣ три бездѣтны, 4 Александръ, 5 Арсеній владыка, 6 Владиміръ.

Былъ ли женатъ Василій—неизвѣстно; свѣдѣній объ его помомствѣ не встрѣчаемъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ.

Александръ Константиновичъ.

1365†1404 г.

Два старшихъ сына Константина Васильевича, Иванъ и Глѣбъ, извѣстны намъ только по родословнымъ, которыя считаютъ ихъ бездѣтными. Они скончались, какъ можно заключить изъ извѣстія Никон. лѣтописи [136]), въ одинъ годъ съ отцемъ и матерью. Что касается третьяго сына Константинова, Александра [137]), то онъ извѣстенъ намъ не только по родословнымъ, но и по лѣтописямъ. Изъ извѣстій, почерпаемыхъ изъ послѣднихъ, мы узнаемъ, что въ борьбѣ Тверскаго князя Михаила Александровича съ Дмитріемъ Ивановичемъ Московскимъ (Донскимъ), кн. Александръ Константиновичъ Ростовскій держалъ сторону послѣдняго и вмѣстѣ съ нимъ, въ 1375 г., ходилъ на Тверь, какъ и братья его, князья Ростовскіе: родной—Василій, и двоюродный—Андрей Ѳеодоровичъ [138]). За-

---

136) Ник. IV, 8; «Того же лѣта (6873 г.) князь Костянтинъ и з женою и з дѣтьми преставись» .. Такъ какъ послѣ этого года слѣдующіе за Иваномъ и Глѣбомъ дѣти Константина еще упоминаются въ лѣтописяхъ, то, естественно, здѣсь нужно разумѣть подъ умершими дѣтьми Константина именно двухъ старшихъ его сыновей. Странно, что Троицкая лѣт. (т. I, 231), отмѣтивъ подъ тѣмъ же годомъ кончину жены Константина, Маріи, о самомъ Константинѣ ничего не говоритъ.

137) См. пр. 135 и 139.

138) П. С. Р. Л. IV, 70; V, 233; VIII, 22; Ник. IV, 42. Кстати, замѣтимъ здѣсь слѣдующее: Карамзинъ (V, 23) говоритъ, что въ договорной граматѣ Дмитрія Ивановича Московскаго съ Тверскимъ княземъ, между прочимъ, сказано: «Князья Ростовскіе и Ярославскіе со мною одинъ человѣкъ». Карамзинъ ссылается при этомъ на Древн. Росс. Вивл. I, 78, гдѣ, дѣйствительно, находимъ договоръ Дмитрія Ивановича съ кн. Тверскимъ, но приведенное изъ Карамзина мѣсто читается тамъ иначе, а именно такъ: «А князи велиціи Крестьянстіи и Ярославстіи съ нами одинъ человѣкъ, а ихъ ти не обидѣти». То же самое—и въ Собр. госуд. грам. и догов. I, № 28. Между тѣмъ какъ Др. Росс. Вивл. относитъ этотъ договоръ къ періоду времени отъ 1362 до 1378, издатели Собр. госуд. грам. и догов. положительно говорятъ, что

тѣмъ лѣтописи ничего не говорятъ объ Александрѣ Константиновичѣ до самой кончины его. Кончина этого князя послѣдовала въ іюнѣ (по однимъ лѣт.—9-го, по другимъ—19-го) 1404 года; означенный князь скончался, принявъ иноческій чинъ съ именемъ Андрея [139]).

онъ писанъ въ 1368 г. (Въ этомъ году Михаилъ Тверской, приглашенный въ Москву для переговоровъ, содержался тамъ какъ плѣнникъ; по освобожденіи своемъ князь Тверской поднялъ на Москву зятя своего, Ольгерда).

139) Ibid. I, 233; VI, 132. Въ старыхъ и новѣйшихъ родословныхъ говорится, что онъ былъ епископомъ ростовскимъ подъ именемъ Арсенія. Надобно замѣтить, что между ростовскими епископами считаютъ двухъ Арсеніевъ; но въ лѣтописныхъ перечняхъ ростовскихъ владыкъ (Ibid. IV, 102; VI, 128, VIII, 69) мы встрѣчаемъ только одного Арсенія, который приходится 32-мъ епископомъ Ростова. *М. Д. Хмырова* (№ 250) опровергаетъ родословныя, которыя говорятъ, что именно этотъ Александръ былъ епископомъ, тѣмъ, что епископъ Арсеній (по «Ист. Росс. Іер.» I, 118) поставленъ св. Алексіемъ еще въ 1365 году. Но 30-й епископъ, по перечнямъ лѣтописей, именно Петръ, скончался отъ моровой язвы въ 1365 г. (Ник. IV, 8), а послѣ Петра, по тѣмъ же перечнямъ еще былъ епископъ Пароеній. Является вопросъ, какимъ же образомъ, по «Ист. Росс. Іерархіи», Арсеній могъ быть поставленъ въ епископы въ 1365 г.?.... Въ «Трудахъ Яросл. Стат. Комитета», вып. V (1868 г.) есть «Лѣтописецъ о Ростовскихъ архіереяхъ», гдѣ относительно Пароенія дѣлается предположеніе о тожествѣ его съ Петромъ. Авторъ «Лѣтописца» говоритъ, что хотя въ синодикѣ за Петромъ и слѣдуетъ Пароеній, но это одно лицо, такъ какъ послѣднее имя могъ получить въ схимѣ тотъ же Петръ. Это предположеніе основывается на Степенной книгѣ (11-я ст. гл. 7-я), гдѣ три епископа, поставленные митр. Алексіемъ, слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Игнатій, Петръ, Арсеній.— Гр. *М. Толстой* («Свят. и древн. Ростова Вел.» изд. 3, стр. 6) говоритъ, что Арсеній поставленъ Алексіемъ въ 1374 г. и ссылается на 6885 годъ Троицкой лѣт.; но въ послѣдней подъ названнымъ годомъ говорятся только о кончинѣ митр. Алексія. Въ Воскр. лѣт. (VIII, 27) подъ 6885 г., по поводу кончины митр. Алексія, говорится о дѣятельности его вообще и, между прочимъ, о томъ, что Арсеній былъ епископомъ— его поставленія, а не о томъ, что Арсеній поставленъ былъ имъ именно въ этомъ году. Хотя тотъ же Толстой и говоритъ, ссылаясь на «Хронологическій указатель іерарховъ ростовско-ярославской паствы» (Спб. 1859), что этотъ Арсеній умеръ въ 1380 г., но мы не знаемъ, на чемъ, въ дан-

Отъ брака съ неизвѣстной Александръ Константиновичъ имѣлъ сыновей: Андрея, Ѳеодора и Ивана.

Владиміръ Константиновичъ.

XIV—XV ст.

Владиміръ Константиновичъ извѣстенъ намъ только по родословнымъ, которыя даютъ ему двухъ сыновей: Константина и Ивана, по прозванью Бычка [140]).

Андрей Александровичъ.

1380—1417.

Во второй половинѣ XIV вѣка Ростовскіе князья до того ослабѣли и подчинились Москвѣ, что въ концѣ этого сто-

---

номъ случаѣ, основывается «Указатель». Въ Троицкой лѣт. (I, 223) подъ 6912 годомъ говорятся: «Преставпся благовѣрный князь Александръ ростовскый, нареченный въ мнишьскомъ чину Андрей, іюня 19», а подъ слѣдующимъ годомъ читаемъ: «Индикта 13 преставися Арсеній преже бывшій епископъ»... Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ только, что Александръ Ростовскій, о которомъ мы говоримъ, не одно и то же лицо съ епископомъ Арсеніемъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, напримѣръ, «Родословная» Долгорукова. Отно только можно сказать, что намъ неизвѣстенъ тотъ кн. Александръ Ростовскій, который былъ епископомъ Арсеніемъ. Если, какъ утверждаютъ родословныя, именно Александръ Константиновичъ былъ епископомъ *съ 1365 г.*, то какой же Александръ *Константиновичъ* ходилъ съ Дмитріемъ Ивановичемъ (Донскимъ), *въ 1375 году*, на Тверь?... Имена многихъ князей не дошли до насъ и не занесены въ родословныя книги; въ лѣтописяхъ встрѣчаются такіе князья, какихъ не находимъ въ родословныхъ, и на оборотъ. Что, напримѣръ, за князь Михаилъ Юрьевичъ Ростовскій (Троицк., 233), умершій въ 1405 г. Предположить, что это былъ праправнукъ Бориса Васильковича, можно,—но предположеніе такъ и останется предположеніемъ.. См. слѣд. примѣчаніе.

140) Первая родословная «Временника» даетъ Владиміру одного только сына, Ивана. Родословная, приложенная къ труду А. А. Титова, неизвѣстную намъ по происхожденію жену Михаила Александровича Тверскаго считаетъ дочерью Владиміра Константиновича.

лѣтія и началѣ XV-го, сохраняя еще значеніе князей владѣтельныхъ, являются какъ бы обыкновенными слугами великаго князя Московскаго. Такъ, въ 1410 г., по просьбѣ псковичей, Василій Дмитріевичъ посылаетъ къ нимъ княземъ Александра Ѳеодоровича Ростовскаго, роднаго племянника Андрея Александровича ([141]); въ 1415 г. въ Псковъ пріѣзжаетъ и Андрей Александровичъ (старшій внукъ Константина Васильевича), конечно, по волѣ великаго князя (хотя въ лѣтописяхъ это и не оговаривается). Но ему, какъ и племяннику его, не долго пришлось княжить во Псковѣ: 17-го іюля 1417 года псковичи выгнали его, вѣроятно, за слишкомъ сильныя притѣсненія ([142]).

Только этими извѣстіями и ограничиваются всѣ наши свѣдѣнія объ Андреѣ Александровичѣ.

По родословнымъ у Андрея Александровича было шесть сыновей: Иванъ, прозваніемъ *Брюхатый*,—Дмитрій, Ѳеодоръ, Владиміръ, Иванъ—Янъ и, наконецъ, Петръ ([143]).

Ѳеодоръ Александровичъ.

1380—1420.

Ѳеодоръ Александровичъ, второй сынъ Александра Константиновича, выступаетъ на сцену въ то время, когда, съ одной стороны, происходилъ разладъ между Псковомъ и Новгородомъ, съ другой—между Новгородомъ и Москвой.

Въ 1497 году великій князь Василій Дмитріевичъ совмѣстно съ Витовтомъ потребовалъ разрыва дружбы новгородцевъ съ нѣмцами, бывшими въ враждѣ съ в. кн. Литовскимъ. Новгородъ не исполнилъ этого требованія, и въ Двинскую землю была двинута московская рать. Утѣсняемые корыстолюбіемъ Новгорода, двиняне, сами новгородскіе выходцы, охотно стали на сторону Москвы и приняли къ себѣ великокняжескаго намѣстника, Ростовскаго князя Ѳеодора Александровича. Новгородцы, въ свою очередь, также вооружились: опустошили и

---

141) П. С. Р. Л. IV, 201; V, 21.

142) Ibid. V, 22.

143) По родословнымъ таблицамъ кн. Щербатова, у Андрея Александровича былъ еще сынъ Иванъ меньшой. Но онъ упоминается въ меньшинствѣ родословныхъ. См. Родословную, приложенную къ труду Титова.

сожгли старый Бѣлозерскъ, а съ новаго взяли окупъ; разорили Кубенскія волости и подступили къ Гледену, безуспѣшно осаждали его три недѣли, сожгли, наконецъ, посады вокругъ Устюга и соборную церковь послѣдняго. Здѣсь новгородцы раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одна пошла къ Галичу, а другая—въ Двинскую землю и тамъ осадила крѣпость Орлецъ, гдѣ сидѣлъ великокняжескій намѣстникъ съ новгородскими двинскими воеводами, приставшими къ Москвѣ. Послѣ упорной осады, продолжавшейся около мѣсяца, новгородцы взяли эту крѣпость, а вмѣстѣ съ нею и сидѣвшихъ тамъ двинскихъ воеводъ; князя же Ѳеодора Ростовскаго, взявъ у него «присудъ и пошлины», отпустили восвояси со всѣми ратными людьми ([144]).

Послѣ этого событія, въ продолженіе лѣтъ десяти, въ лѣтописяхъ не встрѣчается извѣстій о Ѳеодорѣ Александровичѣ.

Въ 1408 г. Ростовъ постигло несчастіе: онъ выгорѣлъ едва не весь. Къ довершенію всего, въ это же время Ростовъ, въ числѣ другихъ городовъ, взятъ былъ татарами, пришедшими къ Москвѣ съ Едигеемъ. Епископъ, князья и граждане Ростовскіе бѣжали тогда изъ города ([145]).

Около того же времени, нѣсколько позднѣе, потомки Суздальско-Нижегородскаго князя Константина пытались возвратить свою отчину—Нижній-Новгородъ,—на который в. кн. Василій Дмитріевичъ еще въ 1390 г. купилъ въ ордѣ ярлыкъ, при посредствѣ котораго онъ уже безъ особеннаго труда овладѣлъ Нижнимъ. Въ 1411 г. дѣти Бориса Константиновича, Даніилъ и Иванъ, подошли къ Нижнему-Новгороду съ князьями болгарскими, жукотинскими и мордовскими. Противъ нихъ великій князь выслалъ брата своего, Петра; съ нимъ были и князья Ростовскіе и Ярославскіе (не названные, впрочемъ, поименно). Бой произошелъ при с. Лысковѣ (Макарьевскаго уѣзда) 15 января ([146]). Сѣча была злая, по словамъ лѣтописца, такъ что съ обѣихъ сторонъ пало много народу. Борисовичи «стали

---

144) П. С. Р. Л. III, 99; IV, 103; V, 250; Ник. IV, 275—276.

145) Ibid. III, 103; IV, 110; V, 257; VI, 136; VIII, 82—83; XV, 481, 483; Ник. V, 15, 24. Софійская 1-я лѣтопись говоритъ, что пожаръ былъ 20 іюня 1407 г., остальныя лѣтописи отмѣчаютъ его подъ 21 іюня 1408 г. Никон. лѣтопись о взятіи Ростова татарами говоритъ подъ 1409 годомъ.

146) Тверск. лѣт. 485 (подъ 1410 годомъ 15 янв.); Ник. V, 36 (подъ 1411 годомъ).

на костяхъ», т. е. одержали полную побѣду. Но эта побѣда была, кажется, не лучше пораженія ([147]); мы видимъ, что Борисовичи опять, и послѣ этой побѣды, хлопочутъ въ ордѣ о возвращеніи своей отчины ([148]). Въ 1412 г. они вышли изъ орды отъ Зелени—Салтана, пожалованные ярлыкомъ на свою отчину. Но одинъ ярлыкъ теперь имѣлъ уже небольшое значеніе: нужно было подкрѣпить его силою. Василій Дмитріевичъ, въ 1414 г., выслалъ противъ нихъ брата своего, Юрія Дмитріевича, съ которымъ были Андрей и Василій Владиміровичи, дѣти Владиміра Храбраго, а также князья Ярославскіе и Ростовскіе, также и на этотъ разъ не названные поименно ([149]).

Служа московскимъ князьямъ какъ воинъ, Ѳеодоръ Александровичъ служилъ имъ и какъ администраторъ, говоря современнымъ языкомъ.

Побуждаемые дурными отношеніями къ сосѣдямъ, нѣмцамъ и новгородцамъ, псковичи постоянно обращались къ великому князю съ просьбой, чтобы онъ далъ имъ князя. Просьбы эти удовлетворялись, но князья, кажется, болѣе вслѣдствіе жадности къ пріобрѣтенію богатства, не уживались съ псковичами. Въ 1415 г. они приняли къ себѣ Андрея Александровича Ростовскаго, а въ 1417 г. выгнали его. Въ томъ же году чрезъ пословъ они выпросили себѣ у Василія Дмитріевича въ князья Ѳеодора Александровича Ростовскаго, который и пріѣхалъ къ нимъ въ декабрѣ мѣсяцѣ. Этотъ князь, какъ кажется, пришелся по нраву псковичамъ ([150]). На слѣдующій годъ по пріѣздѣ (1418 августа 28-го), Ѳеодоръ Александровичъ и псковскіе граждане отправили въ Новгородъ пословъ, которымъ и удалось заключить миръ съ новгородцами ([151]). Но недолго, однако, пришлось Ѳеодору Александровичу жить во Псковѣ: въ 1420 году, во время открывшагося тамъ мора, Ѳеодоръ Александро-

---

147) Никоновская лѣт. V, 36 говоритъ, что Нижегородскіе и Казанскіе князья стали на костяхъ, а Тверская лѣт. сказавъ, что сѣча была злая, прибавляетъ, что враги потомъ разошлись. Ни откуда не видно, чтобы, ставши на костяхъ, Борисовичи заняли Нижній.

148) Ник. V, 44.

149) Твер. 487.

150) Это видно изъ того, что по отъѣздѣ его, вслѣдствіе болѣзни, изъ Пскова, псковичи выпросили себѣ у великаго князя сына Ѳеодорова, Александра. См. ниже.

151) П. С. Р. Л. IV, 202; V, 21—22.

вичъ заболѣлъ, постригся въ монахи и уѣхалъ въ Москву ([152]). Надобно полагать, что въ томъ же году онъ и скончался. Супруга его, неизвѣстная намъ по происхожденію и имени, скончалась въ 1425 г. ([153]).

Что касается дѣтей Ѳеодора Александровича, то какъ старыя, такъ и новыя родословныя относительно этого предмета несогласны. Несомнѣнно, впрочемъ, что у него былъ сынъ Александръ, извѣстный намъ и по лѣтописямъ ([154]).

Иванъ Александровичъ.

XIV—XV в.

Младшій сынъ (третій) Александра Константиновича, Иванъ Александровичъ, извѣстенъ намъ только по родословнымъ, которыя даютъ ему пятерыхъ сыновей: Андрея, Василія—Варсонофія, Константина (всѣ трое бездѣтны), Ивана, по прозванію *Долгаго*, и Александра (155).

Относительно троихъ старшихъ сыновей Ивана Александровича слѣдуетъ сказать только, что они извѣстны намъ исключительно по родословнымъ, которыя считаютъ ихъ бездѣтными. Что же касается до двухъ младшихъ, то о нихъ замѣтимъ слѣдующее:

---

152) Ibid. IV, 202 подъ 6927 годомъ; V, 23 (подъ 6928 г.).

153) Ibid. V, 263.

154) Какъ старыя, хотя и не всѣ, такъ и новыя родословныя даютъ ему сына Александра. Но одна изъ новыхъ родословныхъ Головина даетъ ему еще сына Дмитрія, между тѣмъ какъ по другимъ родословнымъ этотъ Дмитрій былъ сынъ тоже князя Ѳеодора, но не Александровича, а Андреевича, т. е. троюроднаго брата Ѳеодора Александровича. Сообразно съ этимъ, у Головина кн. Щепины и Пріимковы являются уже потомками Ѳеодора Александровича.

155) Въ большей части родословныхъ Василій—Варсонофій считается за одно лицо, и только немногія изъ родословныхъ разсматриваютъ это лицо какъ двѣ отдѣльныя личности.—Иванъ Ивановичъ Долгій считается родоначальникомъ князей Шуйскихъ, получившихъ эту фамилію, кажется, отъ главнаго селенія волости своей: въ Ростовскомъ уѣздѣ и теперь есть село Шуйболъ (*Ап. Крылова:* «Историко-стат. обзоръ Ростовско-Ярославской епархіи», стр. 207).

а) Иванъ Иваповичъ *Долгій* и двоюродный братъ его и ихъ дѣти зимой 1484 года «продаша великому князю Ивану Васильевичю.... свою отчину половину Ростова со всѣмъ» ([156]). Такимъ образомъ дѣти его: Владиміръ *Волохъ*, Иванъ *Брюхо*, Иванъ *Верша* и Михаилъ *Шендань* уже не были удѣльными князьями и писались *Пужбольскими—Ростовскими*. Родъ ихъ пресѣкся на бездѣтномъ сынѣ Михаила Шендана, Иванѣ, такъ что Пужбольскихъ—Ростовскихъ князей и съ ихъ родоначальникомъ было только три поколѣнія.

б) Александръ Ивановичъ, извѣстный намъ только по родословнымъ, долженъ считаться еще удѣльнымъ княземъ, такъ какъ, очевидно, онъ умеръ раньше старшаго брата своего, Ивана,—иначе послѣдній долженъ былъ бы продавать отчину и съ его согласія ([157]). По родословнымъ у него было пять сыновей: Василій, по прозванію *Ластка*, поколѣніе котораго угасло вмѣстѣ съ сыномъ его, Юріемъ *Ласткинымъ—Ростовскимъ*; Михаилъ *Касатка*, родоначальникъ существующихъ и по нынѣ князей *Касаткиныхъ—Ростовскихъ*; Иванъ *Лобанъ*, родоначальникъ тоже существующаго и теперь рода князей *Лобановыхъ—Ростовскихъ*; бездѣтный Иванъ—Янъ и, наконецъ, Ѳеодоръ *Голубой*, родоначальникъ участныхъ князей *Голубыхъ—Ростовскихъ* (въ концѣ княженія Ивана III), потомство котораго пресѣклось съ внукомъ его, Петромъ Васильевичемъ *Голубымъ—Ростовскимъ* ([158]).

Правнуки Константина Васильевича, правнука Бориса Василькoвича.

I. Камъ мы видѣли, старшій сынъ Александра Константиновича, внукъ Константина Васильевича, Андрей Александровичъ, имѣлъ шестерыхъ сыновей, изъ которыхъ Дмитрій, Ѳеодоръ и Петръ умерли бездѣтными, а объ остальныхъ троихъ: а) Иванѣ, б) Владимірѣ и в) Иванѣ-Янѣ лѣтописи и родословныя передаютъ только слѣдующее:

---

156) П. С. Р. Л. VIII, 180.

157) Въ П. С. Р. Л. VIII, 180 сказано, что половину Ростова продали: «Кн. Володимеръ Андрѣевичъ и братъ его, князь Иванъ Ивановичъ, и съ всѣми своими *дѣтми* и съ *братаничи* (курсивъ нашъ), подъ которыми разумѣются, конечно, дѣти братьевъ, Владиміра и Ивана; а если они упомянуты, то, тѣмъ болѣе были бы упомянуты ихъ отцы, если бы они были живы.

158) См. прим. 168.

а) Иванъ Андреевичъ *Брюхатый.*

†до 1474 г.

Старшій сынъ Андрея Александровича Иванъ, по прозванію *Брюхатый*, умершій до 1474 г. [159]), считается родоначальникомъ угасшихъ князей: *Хохолковыхъ—Ростовскихъ, Катыревыхъ—Ростовскихъ* (чрезъ внука, именемъ также Ивана Андреевича, по прозванію *Катыря)* и *Буйносовыхъ—Ростовскихъ* (чрезъ другаго внука, Ивана Александровича, по прозванію *Буйноса*). Дѣти его, Андрей и Александръ, по прозванію *Хохолки*, были еще, хотя и послѣдними, удѣльными князьями, такъ какъ только при нихъ, въ 1474 году, дядья ихъ, за себя и за нихъ, продали отчину свою великому князю Московскому.

б) Владиміръ Андреевичъ.

1461—1474.

Третій сынъ, Владиміръ Андреевичъ, извѣстенъ намъ и по родословнымъ и по лѣтописямъ.—Въ 1461 г. изъ Пскова, гдѣ, вообще, не подолгу заживались князья, выѣхалъ намѣстникъ великаго князя (не сказано, почему), князь Иванъ Стрига; Псковичи отправили съ нимъ пословъ своихъ, во главѣ съ Псковскимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, вручивъ при этомъ посламъ 50 рублей въ даръ великому князю («и послаша псковичи къ князю великому 50 рублевъ на дарове»). Стрига выѣхалъ, кажется, по неудовольствіямъ, возникшимъ вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній къ Пскову нѣмцевъ. По крайней мѣрѣ, лѣтописецъ, замѣтивъ, что послы Псковскіе отправились со Стригой къ великому князю, говоритъ далѣе, что отъ послѣдняго они (послы) возвратились «вси добры здоровы, а князь великой свою отчину жалуетъ добровольныхъ людей, врекается боронити и стояти за домъ святыя Троица и за мужей Псковичь». Вотъ потому-то въ этомъ же 1461 г. великій князь и послалъ «намѣстника своего во Псковъ на княженіе князя Володимера Андресвича».—Въ своемъ мѣ-

---

159) Считая этотъ годъ за годъ кончины кн. Ивана Брюхатаго, мы принимаемъ въ соображеніе то обстоятельство, что онъ не упоминается, по случаю продажи половины Ростова, въ 1474 г., князьями Ростовскими младшей линіи рода Василія Константиновича.

стѣ мы говорили, къ чему стремились великіе князья Московскіе относительно Новгорода и Пскова: съ Новгородомъ приходилось еще поступать осторожно потому, что онъ былъ еще силенъ... Но со Псковомъ мало церемонились, говоря современнымъ языкомъ. Дѣло въ томъ, что для Москвы единеніе Новгорода съ Псковомъ, какъ намъ кажется, не могло быть пріятнымъ уже по одному тому, что двѣ соединенныя силы во всякомъ случаѣ опаснѣе, чѣмъ одна... А въ программѣ Московскихъ князей было именно разъединеніе силъ для того, чтобы образовалась изъ лицъ ихъ, т. е. великихъ князей, единоцѣльная сила для всей Руси. Итакъ, со Псковомъ, какъ мы сказали, не церемонились. Дѣйствительно, занеся на свои страницы извѣстіе о назначеніи для Пскова пресмника Стяги, т. е. намѣстника великаго князя, лѣтописецъ объ этомъ намѣстникѣ, Владимірѣ Андреевичѣ (его назначилъ великій князь), замѣчаетъ, что онъ назначенъ былъ великимъ княземъ въ качествѣ намѣстника «не по псковскому прошенію, не по старинѣ» [160]).

---

160) П. С. Р. Л. IV, 221; V, 33 (подъ 6970 годомъ). Первая, т. е. Псковская первая лѣт., далѣе, подъ 6970 г., отмѣчаетъ, что при этомъ князѣ Псковичи заложили Новый Городецъ «на обидномъ мѣстѣ» надъ Великимъ озеромъ... и церковь Космы и Даміана «у прим стья на Запсковьи». Наконецъ, въ той же лѣтописи отмѣчено, что въ томъ же году «Псковичи заложиша иный городокъ новъ на Володчинѣ горѣ и нарекоша и«Володимерецъ»... Невольно напрашивается вопросъ: не въ честь ли кн. Владиміра «иный городокъ» названъ «Володимерецъ»?.. Но, какъ и въ текстѣ объ этомъ сказано, подъ тѣмъ же годомъ, ниже замѣчено: «Тоя же осени выгнаша Псковичи, мѣсяца сентября, при посадникѣ степенномъ Максимѣ Ларивоновичѣ, князя Володимера, а онъ пріѣха не по Псковской старинѣ, Псковичи не званъ, а на народъ не благъ, и изо Пскова съ безчестіемъ поѣха на Москву къ великому князю Ивану Васильевичю жалитися на Псковичь; а былъ во Псковѣ съ полтора года на столу...» Конечно, нельзя утвердительно сказать, что «Володимерецъ» названъ по имени князя—намѣстника (хотя изъ лѣтописнаго сказанія и можно было бы предполагать это), но если это было такъ, то противорѣчіе можно объяснить только и теперь извѣстнымъ русскимъ присловьемъ, пригоднымъ при объясненіяхъ темныхъ отношеній двухъ сторонъ, «хороши вы, да и тѣ, кажется, не хуже васъ!»—Кто такой «Псковскій князь» Иванъ Васильевичъ, отправившійся къ великому князю съ Псковскими послами въ одно время съ княземъ Стригой?.. Не былъ ли это князь Иванъ Васильевичъ Горбатый,

Псковичи, однако, приняли съ честью новаго намѣстника и посадили его «на княженіи въ Псковѣ». Но не долго пришлось князю Владиміру Андревичу сидѣть на Псковскомъ столѣ: года чрезъ полтора, а именно въ самомъ началѣ сентября 1462 г., Псковичи выгнали его, какъ объясняетъ лѣтописецъ, потому, что «онъ пріѣха не по Псковской старинѣ, Псковичи не званъ, а на народъ не благъ»... «Съ безчестіемъ» поѣхалъ Владиміръ Андреевичъ изъ Пскова въ Москву жаловаться великому князю на нанесенное оскорбленіе [161]). Великій князь до того разгнѣвался за это на Псковичей, что не допускалъ на свои очи Псковскихъ пословъ въ продолженіе трехъ дней. Затѣмъ еще только разъ лѣтопись упоминаетъ этого князя по поводу продажи имъ, совмѣстно съ двоюроднымъ братомъ Иваномъ Ивановичемъ, а также его и собственными дѣтьми, половины Ростова, которая называлась Срѣтенской (Усрѣтенской) стороной, великому князю Ивану III Васильевичу [162]).

До насъ не дошло извѣстій, на комъ женатъ былъ Владиміръ Андреевичъ, но знаемъ, что онъ имѣлъ двухъ сыновей, Дмитрія и Александра, которые должны считаться, до 1474 г., удѣльными князьями Ростовскими. Въ отдѣльности, впрочемъ, говорить о нихъ мы не будемъ, такъ какъ они извѣстны намъ не какъ князья удѣльные, а только какъ Московскіе бояре.

не удѣльный, изъ князей Суздальско-Шуйскихъ, котораго великій князь, 1458 г., посылалъ на Вятчанъ, съ которыхъ онъ, т. е. кн. Иванъ Васильевичъ, Горбатый бралъ посулы и норовилъ имъ, почему и не взялъ Вятки? (см. П. С. Р. Л. VI, 181). Впрочемъ, кстати сказать, подъ тѣмъ же годомъ въ Никоновской лѣтописи (V, 284) сказано: «Того же лѣта посылалъ князь великій рать свою *на Вятку со княземъ Семеномъ Ряполовскимъ* (курсивъ нашъ); можетъ быть, Ряполовскій—изъ Стародубскихъ князей—былъ другимъ воеводой, все равно—первымъ или вторымъ, въ томъ или другомъ полку и пр.,—но неизвѣстнымъ другимъ, кромѣ Никоновскаго, лѣтописцамъ?).—Не лишнимъ будетъ отмѣтить здѣсь и то, что кн. Иванъ Стрига выѣхалъ изъ Пскова «въ недѣлю Святыхъ Отецъ 318», т. е., вѣроятно, 2-го сентября, когда празднуется память святыхъ отецъ, только не 318, а 3618.

161) П. С. Р. Л. IV, 222; V, 34. Должно быть, Владиміръ Андреевичъ успѣлъ возбудить въ Псковичахъ сильное негодованіе къ себѣ: по крайней мѣрѣ, вторая изъ указанныхъ лѣтописей (Псковская 2-я) замѣчаетъ, говоря объ изгнаніи этого князя: «а иные люди на вѣчи съ степени (ступени помоста, съ котораго говорили къ народу) съпхнули его».

162) Ibid. VIII, 180.

в) Иванъ-Янъ Андреевичъ.

Князь Иванъ-Янъ Андреевичъ извѣстенъ намъ только по родословнымъ. Онъ умеръ до 1474 г., т. е. до года продажи великому князю Борисоглѣбской половины Ростова, а слѣдовательно, какъ онъ такъ и дѣти его до 1474 г. должны считаться удѣльными князьями. Сыновья Ивана Андреевича князья Василій *Губка*, Иванъ *Темка*, Семенъ и Дмитрій, вообще, извѣстны намъ только по родословнымъ, почему мы и не будемъ говорить о нихъ въ отдѣльности. Впрочемъ, объ Иванѣ *Темкѣ* замѣтимъ, что онъ одинъ разъ упоминается и въ лѣтописи, какъ воевода, павшій, 8 сентября 1514 г., въ битвѣ съ литовцами подъ Оршей [163]).

Иванъ Андреевичъ былъ родоначальникомъ угасшихъ князей *Яновыхъ—Ростовскихъ*, а чрезъ сына Ивана *Темку* и князей *Темкиныхъ—Ростовскихъ*, также угасшихъ [164]).

II. У втораго сына Александра Константиновича, у князя Ѳеодора Александровича, былъ сынъ Александръ (1410—1434), который извѣстенъ намъ и по лѣтописямъ. Въ 1410 г. Псковичи просили себѣ князя у великаго князя Василія Дмитріевича, указывая при этомъ именно на Александра Ѳеодоровича. Князь Александръ Ѳеодоровичъ принятъ былъ Псковичами честно, «и на княженіе его они посадиша мѣсяца сентября 26». Это такъ повѣствуется по однимъ извѣстіямъ; по другимъ же—князь Александръ Ростовскій пріѣхалъ во Псковъ «изъ рукы великаго князя Василія Дмитріевича» [165]). Послѣднее извѣстіе надобно считать болѣе достовѣрнымъ: мы видимъ, что Александръ Ѳеодоровичъ не ладилъ съ Псковичами, и послѣдніе, съ небольшимъ чрезъ два года (15 мая 1412 г.), «выпроводиша» его. Онъ выѣхалъ изъ Пскова, возложивъ «на Псковъ крестное цѣлованіе», «а Псковичи въ крестномъ цѣлованіи прави» [166]). Послѣ того, въ продолженіе лѣтъ десяти въ Псковѣ побывали въ качествѣ князей: братъ великаго кня-

---

163) П. С. Р. Л. VIII, 258.

164) Родословная, приложенная къ труду А. А. Титова «Ростовскій уѣздъ» ведетъ, кромѣ того, еще и отъ князя Василія *Губки* родъ князей Губкиныхъ, чего въ другихъ родословныхъ мы не встрѣчаемъ.

165) П. С. Р. Л. IV, 201; V, 21.

166) Ibid. По Псковской второй лѣтописи это было въ 6919 году.

зя Московскаго Константинъ Дмитріевичъ и князья Ростовскіе Андрей и Ѳеодоръ Александровичи, послѣдній выѣхалъ изъ Пскова въ 1420 году.

Въ слѣдующемъ 1421 году Псковичи выпросили къ себѣ княземъ князя Ростовскаго Александра Ѳеодоровича, который и прибылъ къ нимъ 1 апрѣля 1422 г., а въ 1423 г. уже выѣхалъ изъ Пскова «съ челядью».

Въ 1424 г. великій князь прислалъ во Псковъ Литовскаго князя Ѳеодора Патрикіевича, но и этотъ въ слѣдующемъ году принужденъ былъ выѣхать изъ Псков . Между тѣмъ Пскову со стороны Витовта угрожала опасность. Въ 1428 г. Псковичи обратились къ великому князю съ просьбой назначить имъ князя-намѣстника, указывая на кн. Ростовскаго Александра Ѳеодоровича. Александръ Ѳеодоровичъ напередъ себя послалъ во Псковъ сына своего Дмитрія, который, пробывъ тамъ до половины зимы и не дождавшись отца, уѣхалъ въ Москву. Въ 1429 г. Псковичи опять выпросили къ себѣ намѣстникомъ у великаго князя того же князя Александра Ѳеодоровича, который вмѣстѣ съ сыномъ и пріѣхалъ во Псковъ 20 февраля. Упоминая о пріѣздѣ въ Псковъ этого князя, лѣтописецъ счелъ нужнымъ замѣтить, что князь Александръ Ѳеодоровичъ Ростовскій уже въ третій разъ былъ выбираемъ во Псковъ на княженіе. Дѣятельность этого князя во Псковѣ выразилась въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ посадникомъ Сильвестромъ заложилъ, въ октябрѣ 1431 г., на новомъ мѣстѣ новый городокъ Выб ръ въ Залѣсьи, на рѣкѣ, надъ Ругодивомъ (Нарва), а весной того же года заложилъ другой городъ на р. Гдовѣ. Спустя три года, именно 28 февраля 1434 года, Александръ Ѳеодоровичъ выѣхалъ изъ Пскова со всею челядью. «А былъ тотъ князь во Псковѣ трижды, а житія его всего во Псковѣ (было) 12 годъ», замѣчаетъ лѣтописецъ [167]).

---

167) П. С. Р. Л. IV, 207—208; V, 27. Относительно этого князя исправляемъ здѣсь нашу невольную ошибку и связанныя съ ней другія ошибки. Дѣло въ томъ, что изъ лѣтописей не видно, сыномъ какого кн. Ѳеодора былъ этотъ кн. Александръ Ѳеодоровичъ. Приходится, такимъ образомъ, опредѣлять отца его по родословнымъ, а большинство послѣднихъ считаетъ отцомъ его Ѳеодора Андреевича,—слѣдовательно, внукомъ Андрея Ѳеодоровича и праправнукомъ Василія Константиновича; меньшинство же родословныхъ считаетъ его внукомъ Александра Константиновича, правнукомъ Константина Васильевича и праправнукомъ того же Василія

Такъ какъ лѣтописи послѣ 1434 года не упоминаютъ объ Александрѣ Ѳеодоровичѣ, то надобно полагать, что онъ скончался, если не въ томъ же 1434 году, то въ ближайшее послѣдующее время.

По родословнымъ онъ женатъ былъ на дочери Дмитрія Константиновича Зернова, правнука мурзы Чета, неизвѣстной намъ по имени, и отъ этого брака имѣлъ сына Дмитрія, не бывшаго уже удѣльнымъ княземъ, и неизвѣстную по имени дочь, бывшую за кн. Литовскимъ Владиміромъ Даниловичемъ [168]).

Константиновича. Выходитъ по этому, что кн. Александръ Ѳеодоровичъ, сынъ Ѳеодора *Андреевича*, имѣвшій прозваніе *Щепа*, долженъ считаться родоначальникомъ кн. *Щепиныхъ—Ростовскихъ* (а не князь Александръ Ѳеодоровичъ, сынъ Ѳеодора *Александровича*). «Указатель къ П. С. Р. Л.» и Строевъ («Ключъ къ И. Г. Р.» Карамзина) увлеклись меньшинствомъ родословныхъ и сдѣлали ошибку; ту же ошибку повторили и мы. М. Д. Хмыровъ (№ 264), указавъ на эту ошибку, впадаетъ въ другую. Онъ говоритъ, что «единственный кн. Ростовскій Ѳеодоръ Александровичъ значится въ древнихъ родословныхъ, напр., въ Бархатной книгѣ, бездѣтнымъ», а между тѣмъ тутъ же (№ 263) у него есть Александръ Ѳеодоровичъ, «князь Ростовскій, сынъ, повидимому, единственный Ѳеодора *Александровича* (курсивъ нашъ), князя Ростовскаго, внука Ѳеотиніи, дочери Ивана Даниловича Калиты..., въ большей части родословныхъ пропущенный. Извѣстенъ только по нѣкоторымъ оффиціальнымъ документамъ, свидѣтельствующимъ, что его женой была дочь Ивана Владиміровича, кн. Серпуховскаго, Марія». Допустимъ, что по нѣкоторымъ родословнымъ у Ѳеодора Александровича и былъ сынъ Александръ... Но по какимъ оффиціальнымъ документамъ онъ извѣстенъ М. Д. Хмырову—этого мы не знаемъ. Если Хмыровъ основывается на завѣщаніи бабки Маріи Ивановны, княжны Серпуховской, т. е. на завѣщаніи Елены Ольгердовны (С. г. г. и д. I, № 82), то изъ него можно вывести только то, что Марія Ивановна была въ замужествѣ, такъ какъ названа въ завѣщаніи «княгиней», но кто былъ ея мужемъ—не видно.—Кстати, здѣсь же укажемъ и на другую нашу ошибку, зависѣвшую отъ той же причины, т. е. отъ того, что мы опрометчиво основывались не на большинствѣ, а на меньшинствѣ родословныхъ. Ошибка заключается въ томъ, что князей Ласткиныхъ, Касаткиныхъ, Лобановыхъ и Голубыхъ мы производили отъ Александра Ивановича, внука Александра Константиновича, между тѣмъ какъ ихъ надобно производить отъ Александра Ивановича, брата Дмитрія *Бритаго* (см. Яросл. Губ. Вѣд. 1887 г. № 101).

168) Четъ выѣхалъ изъ орды въ 1330 г.; въ крещеніи онъ

Александръ Ивановичъ

XV в.

Изъ двухъ сыновей Владиміра Константиновича, правнука Константина Борисовича, старшій Константинъ Владиміровичъ, о которомъ извѣстно только, что онъ умеръ въ 1415 г. [169]), дѣтей не имѣлъ; младшій же братъ его Иванъ (извѣстный намъ только по родословнымъ), по прозванію *Бычокъ*, имѣлъ двухъ сыновей: князей Александра и Дмитрія, по прозванію *Бритаго*.

Объ Александрѣ Ивановичѣ надобно замѣтить, что онъ извѣстенъ намъ исключительно по родословнымъ, которыя даютъ ему сыновей: Василія *Ластку*, Михаила *Касатку*, Ивана *Лобана*, Яна и Ѳеодора *Голубаго*, отъ которыхъ пошли роды князей: *Ласткиныхъ*, *Касаткиныхъ*, *Лобановыхъ* и *Голубыхъ* [170]).

Дмитрій Ивановичъ *Бритый*.

XV в.

Дмитрій Ивановичъ, по прозванію *Бритый*, жилъ во второй половинѣ XV вѣка. Онъ извѣстенъ намъ исключительно по родословнымъ. Сыновья его Василій, Юрій и Владиміръ, по прозванію *Волохъ*, уже не были удѣльными и писались князьями *Бритыми—Ростовскими*. Отъ одного изъ внуковъ князя Дмитрія Ивановича Бритаго, князя Василія Юрьевича, по прозванію *Бычка*, произошелъ родъ князей *Бычковыхъ—Ростовскихъ*.

Итакъ, болѣе чѣмъ двух-вѣковая самостоятельность Ростовскаго удѣльнаго княжества кончилась въ 1474 году. Съ этого года великіе князья Московскіе, которые сначала вла-

---

названъ былъ Захаріею. У внука этого Чета, Дмитрія Александровича, по прозванію *Зерно*, было три сына: Иванъ, Константинъ и Дмитрій. Изъ нихъ старшій имѣлъ сыновей: Ѳеодора *Сабура* и Ивана *Годуна*, отъ котораго произошли Годуновы. Отъ того же Дмитрія Александровича произошли и Зерновы и Вельяминовы—Зерновы.

169) П. С. Р. Л. I, 234.

170) См. пр. 167.

дѣли только одной половиной Ростова, Срѣтенской, пріобрѣтенной ими раньше, стали распоряжаться всѣмъ Ростовомъ, какъ своею собственностью. Такъ, Василій Васильевичъ Темный въ 1462 году отдаетъ половину Ростова супругѣ своей, по смерти которой эта половина переходитъ къ сыну ихъ, Юрію [171]). Иванъ III Васильевичъ, по смерти брата своего Юрія, въ 1472 году беретъ бывшую за нимъ половину Ростова себѣ [172]), а въ 1474 году весь Ростовъ и уже на всегда входитъ въ составъ великаго княжества Московскаго [173]).

---

171) Собраніе госуд. грам. и документовъ I, № 86.

172) Ibid. № 99.

173) Послѣдующіе договоры и духовныя грамоты показываютъ, что Ростовъ былъ за Иваномъ III до его смерти, а потомъ, по духовному завѣщанію послѣдняго, перешелъ къ сыну и преемнику Ивана III, Василію.

Извлечено изъ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

Печатано съ разрѣшенія г. Ярославскаго Губернатора.

1888 г. Типографія Губернскаго Правленія.